

Н. С. ПРИСЯЖНЫЙ

ПЕРВАЯ КОННАЯ АРМИЯ

НА ПОЛЬСКОМ
ФРОНТЕ В 1920 ГОДУ

Н. С. Присяжный

Первая
Конная армия
на польском
фронте в 1920 году

(Малоблистные страницы истории)

Ростов-на-Дону
Издательство Ростовского университета
1992

ББК ТЗ(2) 712
П175

Редактор *Т. В. Кравченко*

П 0503020400—103
М 175(03)-92

Без объявл.

ББК ТЗ(2) 712

ISBN 5-7507-0843-8

© Присяжный Н. С., 1992

От автора

Волею судеб и превратностей политики Первая Конная весной 1920 г. оказалась на польском фронте, где в ходе летней кампании приумножила свою громкую славу, доставив немало забот польскому командованию. С переменным успехом такое положение сохранялось до августа, когда армия подошла ко Львову, где и развернулись события, поставившие её на грань морального, политического и боевого кризиса. Особенности социально-политической обстановки советско-польской войны, внутреннее своеобразие армии и накопившаяся усталость в считанные недели превратили Первую Конную в бесформенную массу апатично-злых, мародёрствующих, слабо управляемых групп и соединений. Потребовались почти нечеловеческие усилия, чтобы сохранить армию, вернуть ей боеспособность.

Библиография боевого пути Конармии обширна, но не всё в ее истории освещено достаточно полно. Среди прочего — события осени 1920 г., получившие в частных оценках определение как разложение армии. Замалчивание в прошлом этого факта явилось одной из причин, побудивших взяться за написание данного очерка. Диктуется это и необходимостью пересмотра устоявшихся однозначных представлений о Первой Конной, без чего ее исторический облик будет неполным.

Название очерка может показаться отчасти претенциозным. Действительно, при том обилии написанного о Конармии, что мы имеем к настоящему времени, рискованно говорить о «малоизвестных страницах» ее истории. Насколько это оправданно — судить читателю.

Автор искренне признателен работникам Центрального государственного архива Советской Армии за внимание и помощь, оказанные при подборе документов, а также ученым Института российской истории РАН, принимавшим участие в обсуждении рукописи.

Отрывочные сведения о положении в Первой Конной осенью 1920 г. находим в брошюре Ил. Вардина и отчасти в книге С. Орловского¹. Первая принадлежала перу бывшего начальника политотдела Первой Конной, в 1927 г. на XV съезде ВКП(б) исключенного из партии в числе «активных деятелей троцкистской оппозиции»², и по непонятным причинам оставалась доступной массовому читателю. Вторая написана человеком, также близким к руководству армии, занимавшим в годы гражданской войны должность секретаря Реввоенсовета (РВС), вполне «лояльным». Однако, теперь уже по понятным причинам, книга угодила в спецхран и выпущена оттуда только сегодня. О происходившем осенью 1920 г. писал и С. Буденный³. Писал скупно, но все-таки писал. Вот и все, или почти все, что мы можем прочитать по интересующему нас вопросу. Поэтому пришлось обратиться к архивным документам, главным образом фонда № 245 (Управление Первой Конной армии) Центрального государственного архива Советской Армии (ЦГАСА). Будем надеяться, что они позволят воссоздать достаточно полную и объективную картину прошлого. Прежде чем говорить по существу, следует сделать несколько общих пояснений, касающихся перехода Первой Конной с юга на польский фронт.

После ряда удачных операций, проведенных на юге в ходе боев с Деникиным и принесших ей громкую славу, Конармия в начале апреля 1920 г. походным порядком направилась на запад к советско-польской границе. Решение об этом было принято 17 марта 1920 г. после разговора главкома С. Каменева с командующим Юго-Западным фронтом А. Егоровым⁴. Попутно заметим — нетрудно представить, как выглядел этот маневр в глазах польского командования. Известно, что боевые действия Польша начала 25 апреля. Постановка рядом этих дат и фактов наводит на не столь однозначные, как принято, размышления об инициации советско-польской войны. Однако это отдельный и очень большой разговор, далеко выходящий за рамки предлагаемого читателю сюжета.

Пройдя около 1200 км, 25 мая Конармия сосредоточилась в районе Умани. В начале июня в Кременчуге состоялось совещание командного состава Первой Конной с участием И. Сталина, члена РВС Юго-Западного фронта⁵, в состав которого армия была включена 2 мая, еще до подхода к месту сосредоточения⁶. Вероятно, именно здесь и были predeterminedены ее стратегические перспективы, вызвавшие не утихающие до сих пор споры о том, «надо ли ходить на Варшаву через Львов». Вопрос почти сакра-

ментальный и тем не менее требующий к себе внимания, потому как многое с ним связанное тесно соприкасается с интересующими нас фактами.

Юго-Западный фронт к этому времени объединял 12, 13 и 14-ю армии с общей численностью боевого состава в 35012 чел., фронт имел кавалерийские части, насчитывавшие 5498 чел. от боевого состава⁷. В Конармии ко времени прорыва польского фронта имелось около 18 тыс. сабель⁸, и включение ее в состав Юго-Западного фронта означало увеличение там кавалерии в четыре раза, а общего числа боевого состава — более чем в полтора раза. В результате резко возросло стратегическое значение этого фронта.

После успешного прорыва польской обороны и продвижения в глубь тылов начиная с 17 июля, по свидетельству бывшего начальника штаба Первой Конной Л. Ключева, центр тяжести боев армии начинает постепенно перемещаться с северо-западного, луцкого, направления на юг, в район Дубны—Кременец—Броды с перспективой на Львов⁹. В одном из его же примечаний к книге А. Артишевского говорится, что «перемена направления на г. Львов была дана армии только 22 июля»¹⁰. Подтверждал это и С. Буденный. При этом он подчеркивал свое несогласие с таким решением¹¹.

Директивой командующего Юго-Западным фронтом Первой Конной ставилась задача к 29 июля овладеть Львовом¹², а 25 июля в армии получили телеграмму И. Сталина с предложением принять все меры к тому, чтобы занять Львов не позже 31 июля, так как «взятие Львова будет иметь значительный вес при переговорах с Польшей о мире»¹³. Таким образом, очевидно, что открыто вопрос о переориентации стратегического направления Первой Конной ставился со второй половины июля 1920 г., когда, по справедливому замечанию Л. Ключева, «политика берет верх над вопросами стратегии в нашем фронтовом командовании»¹⁴. Мы вправе сегодня задаться вопросом — а только ли во фронтовом командовании?

Путь Первой Конной к Львову и затем то, что там произошло, оцениваются в исторической литературе крайне противоречиво. Вопрос, поставленный А. Хрулевым в предисловии к книге Н. Ракитина, кто же был прав, РВС Первой Конной, стремившийся «во что бы то ни стало занять Львов», или главком С. Каменев, «который подписал директиву, чтобы Конармия оторвалась от Львова» и двинулась на помощь Западному фронту¹⁵, до настоящего времени не решен окончательно. Начало дискуссии положено в 20-е гг. В работах Н. Какурина, Л. Ключева, В. Меликова отстаивалась правильность стратегической линии командования Юго-Западного фронта в отношении Конармии, ориентируемой

на львовское направление. Вина за неудачи Западного фронта под Варшавой возлагалась на главкома С. Каменева и командующего фронтом М. Тухачевского. Доказывалась справедливость настойчивого стремления РВС Первой Конной к занятию Львова¹⁶. Активно выступил в защиту стратегической линии командования Юго-Западного фронта бывший командующий этим фронтом А. Егоров¹⁷. Обвинения в адрес Юго-Западного фронта за задержку Первой Конной и в адрес ее РВС за нежелание оторваться от Львова изложены в работах других авторов¹⁸. Гораздо позже, в 60-е гг., произошла конкретизация крайности, когда вину за задержку Первой Конной, а следовательно, и за неудачи на Западном фронте возложили на И. Сталина¹⁹. К попытке найти компромиссное решение можно отнести трактовку событий, данную авторами 5-го тома «Истории гражданской войны в СССР», где виновными признавались Реввоенсовет Республики (РВСР), главком С. Каменев и командование Юго-Западного фронта²⁰.

Даже такой беглый обзор показывает, что военным действиям под Львовом в августе 1920 г. посвящена обширная литература, но чтобы разобраться в них окончательно, потребуется серьезное научное исследование, выходящее далеко за рамки частных задач Первой Конной и упирающееся в сложные политические последствия нерешенных перспектив, намечавшихся при подготовке Варшавской операции, можно сказать — всей советско-польской кампании. К такому заключению побуждают многие факты, в том числе, например, телеграмма В. Ленина И. Сталину от 4 августа 1920 г., где подчеркивалось, что от положения дел, в частности под Львовом, «...могут зависеть важнейшие политические решения» на предстоящем пленуме ЦК РКП(б)²¹.

Действительное развитие событий внесло существенные коррективы в намечавшиеся планы. Уже 2 августа РВС Первой Конной вынужден был поставить в известность Юго-Западный фронт, что ни 4, ни 6 августа Конармия занять Львов не сможет, так как и люди, и лошади крайне переутомлены²². К. Ворошилов выехал в Бердичев в РВС фронта для выяснения обстановки. Возвратившись 10 августа, он сообщил о предстоящей передаче Конармии в состав Западного фронта²³. С 10 по 20 августа велась оживленная переписка между Западным и Юго-Западным фронтами, главкомом, РВСР, полевым штабом РВСР и Первой Конной, касавшаяся задач Конармии. Между тем приказом РВС Юго-Западного фронта и Первой Конной от 19 августа армия была брошена в интенсивное наступление и ее передовые части оказались «в 8—9 верстах от Львова»²⁴. В этот день вопрос о судьбе Первой Конной обсуждался в Политбюро ЦК РКП(б), где предлагалось расчленить ее на две части, одна из которых (6-я

кавалерийская дивизия) осталась бы на Юго-Западном фронте против Врангеля, другая (4, 11 и 14-я кавалерийские дивизии) двинулась бы на помощь Западному фронту. Такова была позиция И. Сталина и Л. Троцкого. Против этого возражал главком С. Каменев, справедливо считавший, что подобное решение означало бы фактическую ликвидацию армии, и предложивший направить ее на Западный фронт в полном составе. Его мнение и легло в основу принятого решения²⁵. В результате 19 и 20 августа от главкома и из РВСР поступили категорические, хотя и противоречивые (об этом ниже), приказы, после чего армия снялась из-под Львова и 21 августа повернула на север в направлении на Замостье — Новоград-Волыньск. Обильные возражения армейского командования и РВС Юго-Западного фронта не принимались в расчет. Главком и РВСР в растерянности от неожиданного поражения под Варшавой пытались всячески помочь Западному фронту и потому в значительной мере автоматически пошли на поводу у его руководства, ошибочно надеявшегося за счет подхода Первой Конной к своему левому флангу поправить положение на севере под Варшавой. Уже к концу августа стала очевидной несостоятельность таких планов. Позже это признал и С. Каменев. В разговоре с командующим Западным фронтом М. Тухачевским он заметил: «...выдвижение Буденного сделало лишь один плюс. С севера на юг поляки перегруппировали 3 дивизии...»²⁶ Начиная с 7 сентября между С. Каменевым, М. Тухачевским и С. Буденным велись переговоры о выводе армии в резерв. Наконец, 19 сентября было принято окончательное решение. Армию предполагалось отвести в район Кременчуга, где после непродолжительного отдыха планировалось начать подготовку к переходу на Южный (против Врангеля) фронт²⁷.

Из общего потока взаимных обвинений, исходивших в 20-е гг. от участников событий, а также в результате анализа имеющейся литературы можно сделать определенные выводы. Поворот Первой Конной в середине июля 1920 г. на львовское направление следует признать ошибочным. Причина ошибки — переоценка высшим военно-политическим руководством республики сил Западного фронта и субъективизм РВС Юго-Западного фронта, прежде всего И. Сталина, в подходе к определению боевых задач Конной в польской кампании. Свидетельств тому много. С. Буденный с подкупающей прямоотой говорил, что И. Сталин и А. Егоров «рассчитывали после овладения Львовом перебросить Конную для борьбы с Врангелем»²⁸. Не отрицал этого и А. Егоров, опасавшийся угрозы со стороны Румынии и поэтому считавший необходимым держать Первую Конную ближе к ее восточным границам²⁹. Известную отрицательную роль сыграла и ошибочная позиция К. Ворошилова, поддерживавшего И. Сталина и в ре-

шающей степени ориентировавшего РВС Первой Конной в этом направлении.

Утверждаемое выше следует отнести ко времени до возникновения вопроса об отводе армии из-под Львова. То, что произошло затем, требует иного подхода. Твердую линию РВС Первой Конной и Юго-Западного фронта, доказывавших бессмысленность поворота с львовского направления, надо признать правильной. Надежда на то, что Конармия догонит уходящую на север ударную группу польских войск, сокрушавших левое крыло Западного фронта, была тщетной. А вот взятие Львова и продвижение затем к Кракову — старому польскому политическому центру — могли бы кое-что изменить в ходе советско-польской кампании.

Чтобы до конца правильно понять ситуацию, сложившуюся в июле—августе 1920 г. на западных фронтах, надо посмотреть на события шире, исходя из оценки войны с Польшей, данной в тезисах ЦК РКП(б) «Польский фронт и наши задачи», где предлагалось рассматривать войну «...не как частную задачу Западного фронта, а как центральную задачу всей рабоче-крестьянской России»³⁰. Только такой подход мог избавить Главное командование от ошибок, допущенных при использовании Первой Конной. В этой связи доводы А. Егорова, доказывавшего несостоятельность обвинений в адрес командования Юго-Западного фронта в провале операций под Варшавой, можно признать справедливыми. Он считал виновными С. Каменева и М. Тухачевского, своевременно не поставивших в известность командование Юго-Западного фронта относительно своих стратегических планов. С этим также можно согласиться, но оценивать их вину следует в более широком контексте, в плане господствовавших в то время взглядов на перспективы мировой революции. В противном случае опять все сведется к «дурно пахнущей склоке». Вместе с тем при всей тщательности написания книги и обоснованности суждений, приводимых в защиту РВС Юго-Западного фронта (а возможно, и в результате этого), А. Егорову не удалось скрыть того факта, что там любыми путями стремились сдвинуть центр тяжести в польской кампании с севера на юг, на львовское направление. Не касается автор и роли И. Сталина, ставшей, вероятно, решающей в перемещении движения Первой Конной на львовское направление. Однако все это, если исходить из тезисов ЦК РКП(б), не может быть поставлено в вину ни одному, ни другому. Коль скоро Конармия включена в состав Юго-Западного фронта, то его задачи в первую очередь она и должна была решать. Никого ведь не удивило продвижение армии, начиная с середины июля, к Львову. По крайней мере никаких конкретных шагов с целью остановить это движение не предпринималось

ни Главкомом, ни РВСР. Не в один же миг Первая Конная оказалась под Львовом!

Было и еще одно обстоятельство, проливающее свет на причины нерешительности Главного командования и РВСР дать «добро» на занятие Львова, — желание не повторить пресловутого опыта вступления армии в Ростов в январе 1920 г., отмеченного падением дисциплины, погромами и моральным разложением личного состава. Определенный в связи с этим интерес представляет телеграмма Л. Троцкого, направленная в армию 20 августа с требованием принять все необходимые меры к тому, «чтобы занятие большого города не произвело разлагающего влияния на войска»; телеграмма свидетельствует, с одной стороны, о растерянности и неосведомленности в высших военных органах, так как 20 августа армия уже уходила из-под Львова, с другой — налицо опасения за последствия вступления армии во Львов и ее задержки там. А. Егоров считал, что текст телеграммы «...написан рукой главкома. Это позволяет думать, что ему полностью принадлежит инициатива посылки этой телеграммы, а равно и редакция последней»³¹. Если так, то воистину левая рука не ведала, что делала правая.

Насколько реальной была такая угроза, судить сегодня в солагательном наклонении, тем более под грузом «ростовских дел», очень сложно. Но есть и факты, доказывающие положительную сторону принятого решения. К этому времени в армии имелась многочисленная партийная прослойка, с помощью которой осуществлялся жесткий политический прессинг на личный состав. Можно было надеяться, что с его помощью издержки конармейской «вольницы» в массе своей будут нейтрализованы. Подтверждается это и конкретными действиями. Задолго до подхода к Львову РВС поручил политотделу сформировать состав будущего ревкома города (см.: оп. 2, д. 179, л. 4). Спустя несколько дней задание было выполнено. Для обеспечения тесной связи военных и гражданских органов предполагалось включить туда представителей РВС Первой Конной. Позаботились и об административных органах. Комендатуру города обязали возглавить Д. Коротчаева, командира 2-й бригады 6-й дивизии³². Особенно тщательно учитывались политические мотивы. Массовым тиражом на русском и украинском языках заготовили обращение «К трудящимся города Львова!». Имелся и проект «политического приказа в связи с освобождением города» (оп. 1, д. 29, л. 459; д. 41, л. 291, 296). В начале августа политотдел армии обратился к военкомам и начальникам политотделов дивизий с письмом, оптимизм которого впечатляет. В частности, там говорилось: «На днях красные войска должны вступить во Львов. Нам политически безусловно необходимо, чтобы это вступление

произошло в образцовом порядке» и далее перечислялись меры, необходимые для принятия в частях с целью предотвращения беспорядков в городе (оп. 2, д. 92, л. 105). Такая работа, помимо своего общего политического значения, имела и прагматический смысл: по свидетельству участников событий, население прилегающих к Львову местностей доброжелательно относилось к Конармии, и РВС надеялся после занятия города в течение 5—7 дней сформировать здесь две галицийские стрелковые дивизии³³. Случай беспрецедентный, если иметь в виду социально-экономическую и военно-политическую обстановку, в которой оказалась Первая Конная на польском фронте. Это последнее, на чем следует остановиться подробно и без чего невозможно правильно понять случившееся с армией после отхода ее из-под Львова.

Быстрое продвижение в глубь польских тылов столкнуло Первую Конную с массой непредвиденных обстоятельств, отрицательно влиявших на морально-политическую обстановку в армии, а следовательно, и на ведение ею боевых операций. Уже первые попытки прорвать фронт, оказавшиеся неудачными, должны были насторожить по крайней мере армейское и фронтовое командование. Однако руководство Юго-Западного фронта, полное оптимизма в предвкушении успеха, ничуть не сомневаясь в том, что Конармия «скоро приспособится к новым условиям», ограничилось советом Реввоенсовету армии принять ряд превентивных мер (оп. 1, д. 13, л. 90). В действительности все оказалось гораздо сложнее, а многое подчас и неразрешимо. В бою под Ровно армия впервые встретилась с танками, в конце июля против нее применили химическое оружие³⁴. Чувствительный урон наносила польская авиация, а заболоченная лесистая местность сковывала маневренность кавалерийских дивизий. Но оперативные неожиданности преодолевались несравненно легче, чем те психологические условия, в которых оказалась Первая Конная. Привыкшая поподнять свои ряды массовым притоком добровольцев, она встала перед фактом почти полного их отсутствия. И дело здесь не в каких-либо своеобразных особенностях Конармии. По словам Н. Варфоломеева, «в польских областях мы добровольцев не имели. Мы вообще не могли здесь использовать местное население для укомплектования редевших советских армий»³⁵.

Взаимоотношения Первой Конной с местным населением были довольно неоднозначными. Сказались факторы как частного порядка, касавшиеся работы политотдела Конармии, так и общего, зависевшие от теоретических и практических промахов, допущенных в агитационно-пропагандистской работе в период советско-польской кампании. Как отмечалось одним из исследователей партийно-политической работы в Красной Армии в годы гражданской войны А. I ронимусом, «опыт советизации тыла в

советско-польской кампании свидетельствует скорее о том, что мы оттолкнули, а не привлекли к себе симпатии местного польского населения»; причину неудач он видел в неподготовленности комполитсостава к экономическим, социальным и бытовым особенностям региона³⁶. Выделяет А. Геронимус и другую причину, посчитав, что первостепенное значение в условиях советско-польской войны имели вопросы национальной политики. Из-за недостатка внимания к ним, «опутанное национальными предрассудками, польское крестьянство переносило на Красную Армию свою исконную вражду к царской России»³⁷. Отрицательные последствия, по мнению Н. Зегжды, имели и ошибки в деятельности Временного Революционного Комитета Польши (Польревкома), в частности в его аграрной политике³⁸. Принятый правительством Пилсудского закон «Об исполнительных правилах к земельной реформе», дававший малоземельному крестьянству и батрачеству надежду на получение земли в районах Западной Белоруссии и Западной Украины, привлек значительное число добровольцев в польскую армию, а усилия Польревкома по созданию фольварочно-батрацких комитетов и крупных коммунальных хозяйств вместо раздела и раздачи земли беднейшему крестьянству, на чем настаивал Ф. Дзержинский, привели к негативному отношению его к Красной армии. Имели место и другие ошибки, как, например, неправильная политика по отношению к католическому духовенству, пользовавшемуся большим влиянием среди крестьянства. Всё это вместе взятое вело к тому, что в создаваемых, например, ревкомх частях отсутствовали сами поляки. Поэтому говорить о поддержке польским населением Красной Армии не приходится. Такие настроения в значительной мере передавались жителям Волыни и Галиции, где пришлось действовать Первой Конной. Как сообщал ее РВС в ЦК РКП(б), Политуправление Республики (ПУР) и РВС Юго-Западного фронта, «вступая в Галицию, наши части встречают крайне недружелюбное отношение населения» (оп. 2, д. 92, л. 7). Поэтому надежды на возможность формирования двух галицийских дивизий были крайне проблематичны, но они, как видим, существовали.

Потери Первой Конной на польском фронте огромны — 10483 красноармейца и 1136 командиров³⁹. Были части, личный состав которых уже в первые недели боев сократился почти вдвое. Так, если во второй половине мая в 81-м и 82-м полках 14-й дивизии имелось соответственно 554 и 578 боевых сабель, то ко второй половине июня их оставалось там 352 и 318 (оп. 2, д. 176, л. 321, 323). Если принять это во внимание, станет ясно, как сильно все сказывалось на обстановке в армии. Требовалось во многом изменить линию поведения командного состава, вынужденного волей обстоятельств строго учитывать резервы, заботиться о детальной

разработке оперативно-тактических вопросов, о повышении военно-теоретических знаний, чему, прямо скажем, до сих пор уделялось крайне мало внимания, о чем речь пойдет ниже.

Условия польской кампании существенно подорвали мощь Первой Конной, и это не преминуло сказаться на ее морально-психологическом состоянии, готовом при определенных условиях обернуться катастрофой. Наблюдавшие в конце июня за боями частей Конармии военком 131-й бригады 44-й стрелковой дивизии Потоцкий и начальник штаба этой дивизии Бужко-Жук, пришли к выводу, что «через разложение, естественную усталость и сравнительно бесталанное командование против регулярной дисциплинированной армии Конармия выдыхается, слабеет. Поляки несомненно (если внутреннее состояние и Польши, и ее армии позволят) скоро начнут Конармию и отражать и бить... Разложение, особенно при поражениях, будет выливаться в тяжелые формы...» (оп. 2, д. 179, л. 90—91). Это случилось после отхода из-под Львова, когда в хаосе противоречивых, непродуманных приказов армия оказалась под Грубешовым и Замостьем в труднейшем положении — почти в окружении, из которого выходила деморализованной и с огромными потерями.

РВС Первой Конной не без основания полагал, что после стольких затраченных усилий на подготовку операции «отвод частей из-под Львова подорвет политико-моральное состояние армии»⁴⁰. Без тени сомнения утверждал это и Л. Ключев, считавший, что оставление Львова армией, «уже наблюдавшей огни галицийской столицы», вызовет только отрицательную реакцию⁴¹. По свидетельству Ил. Вардина, приказ об отходе из-под Львова, «который в течение ряда недель являлся боевым лозунгом в армии», конармейцами был встречен в высшей степени недоброжелательно⁴². Отход они восприняли как крупное военное поражение. В то, «что армия уводится в тыл на отдых, мало кто верит, — сообщалось из политотдела 4-й дивизии, — существует убеждение, что слух об отходе на отдых пущен командованием в целях прикрытия факта отступления по всему фронту...» (оп. 1, д. 38, л. 432). Буквально в считанные дни армия, способная совершать огромные переходы, легко поддававшаяся героическому порыву, стойко переносившая тяготы гражданской войны, оказалась на грани катастрофы. Бойцы «происходящими на фронте событиями мало интересуются. Чувствуется общая усталость... проявляют склонность к грабежу...» — таково мнение военкома Отдельной кавалерийской бригады (оп. 2, д. 182, л. 967). Два приведенных документа, хронологически замыкающих период с 1 сентября по 28 октября, выглядят как клише поступавших отовсюду сообщений о положении в частях. Повсюду чувствовалось резкое падение дисциплины, объяснявшееся, как ни странно, лишь «отсутствием

старых, авторитетных командиров и политработников» (оп. 2, д. 179, л. 49). На совещании в РВС 10 сентября выступавшие только и говорили: комсостав выбыл, а новый не отвечает своему назначению; нужен отдых, нужны пополнения (см.: оп. 1, д. 77, л. 177—178).

Особенно заметно последствия отхода отразились на 6-й дивизии, где панические настроения проявились в наиболее открытых и безобразных формах. Тревожные сведения оттуда стали поступать в начале сентября. Сообщалось, например, что бойцы 6-й дивизии кощунственно обошлись с проводниками литературы политотдела 11-й дивизии у деревни Вербковицы. Расследование инцидента не дало результатов. В защиту своей дивизии выступил военком Г. Шепелев (во время боев на юге против Деникина он работал начальником агитационно-организационного отделения политотдела армии, в июле 1920 г. был в составе Житомирского ревкома, затем руководил работой Новоград-Вольнского губвоенкомата, военкомом 6-й дивизии назначен 13 сентября 1920 г.)⁴³, хотя в одном из своих докладов он и признавал «развившиеся за последнее время в... дивизии бандитизм и грабежи» (оп. 2, д. 179, л. 76—81, 111—112). Позже стало известно, что 28—29 августа частями 6-й дивизии в местечке Лабунье вскрыт винный склад, красноармейцы перепились, а спирт «в большом количестве растаскивался» (оп. 2, д. 49, л. 17). В местечке Берездово и в районе Млынова бойцами той же дивизии устроены кошмарные погромы. Не лучшим образом вела себя и 14-я дивизия, отличившись погромом в местечке Рогачев (см.: оп. 1, д. 51, л. 3). Факты хулиганских поступков отмечались в армии повсеместно. Арестованных 24 сентября за беспорядки красноармейцев 33-го полка 6-й дивизии освободили свои же товарищи, разогнав одновременно реввоен трибунал дивизии (см.: оп. 2, д. 179, л. 113). Попытку освободить арестованных предприняли 30 сентября на станции Ерши и бойцы 2-й бригады 11-й дивизии. И только вмешательство С. Буденного и К. Ворошилова (на станции случайно оказался поезд РВС) предотвратило зарождавшийся погром. Докладывая об этом, военком 63-го полка писал: «Я лично подозреваю присутствие пропагандистов из 6-й кав. дивизии»; отмечал он и резкое падение дисциплины в бригаде (оп. 2, д. 179, л. 49). А по словам командира 35-го полка 6-й дивизии Е. Делорма, среди освобожденных находились и бойцы 4-й дивизии (см.: оп. 2, д. 179, л. 108).

Обстановка в армии накалилась до предела, когда 28 сентября за попытку пресечь мародерство в 31-м полку 6-й дивизии был убит ее военком Г. Шепелев. Стреляла в комиссара восемнадцатилетняя медсестра одного из санитарных подразделений 6-й дивизии, мародерствовавшая в этот момент наравне с другими.

Акт беспрецедентный по своей жестокости и отчаянности, тем более, что по положению о военных комиссарах военком считался лицом неприкосновенным, насилие над военкомом при исполнении им служебных обязанностей приравнялось к самым тяжким преступлениям против советской власти⁴⁴.

Ситуация в 6-й дивизии становилась неуправляемой. Дошло до того, что 6 октября ее первая бригада обратилась ко второй с призывом идти в тыл и навести там «порядок» (оп. 1, д. 41, л. 355). Стало ясно, что без решительных и крутых мер остановить разложение не удастся.

Попытки навести порядок в армии предпринимались и раньше. Так, 20 сентября был издан приказ РВС, где предлагалось «мародеров и хулиганов расстреливать на месте»⁴⁵. Приказ был опубликован в армейской газете и о нем не могли не знать конармейцы. Вслед за этим 24 сентября появился новый приказ РВС, в котором говорилось, что при обозах полков и дивизий скапливаются дезертиры, которые занимаются грабежом. От руководства дивизий потребовали создать «заградительные эскадроны» с целью выловить «шатунов» (оп. 2, д. 179, л. 11). В работу активно включились политорганы. Так, после опубликования в газете статьи «Грабители должны быть наказаны!» армейский политотдел совместно с политотделом 4-й дивизии, о которой шла речь в статье, занялись расследованием изложенных фактов (см.: оп. 2, д. 120, л. 34). Однако продолжавшие поступать многочисленные сведения о разложении требовали принятия максимально быстрых, сугубо репрессивных мер. Об этом говорили на заседании РВС 28 сентября 1920 г., и, судя по протоколу, речь опять шла о недостатках в работе политорганов (см.: оп. 1, д. 15, л. 158). Но последние и так делали все от них зависевшее и в меру своих сил, чтобы стабилизировать положение. Однако падение дисциплины оказалось настолько глубоким и обширным, а погром «зверским, беспощадным и жестоким» (оп. 2, д. 7, л. 55), что без чрезвычайных мер сохранить боеспособность армии уже не представлялось возможным.

После того, как в РВС стало известно об убийстве Г. Шепелева, 30 сентября на экстренном заседании постановили образовать для расследования обстоятельств следственную комиссию под председательством заместителя начальника политотдела армии Г. Мельничанского. В состав комиссии вошли военком штаба армии Беляков и начальник канцелярии РВС Степаненко. Одновременно политорганам поручили провести специальную агитацию, «имея целью во что бы то ни стало уничтожить бандитские явления в дивизиях», с указанием «на самые крайние меры, которые будут применяться в борьбе с этими явлениями»; здесь же принято решение обязать председателя РВТ армии «не-

медленно организовать чрезвычайную сессию... коей... принять к производству и скорейшему рассмотрению дела о бандитизме в частях, карая виновных высшей мерой наказания, широко публикуя свои приговоры» (оп. 1, д. 15, л. 161). В «Красном кавалеристе» был напечатан приказ РВС с требованием «выжечь каленым железом бандитизм и хулиганство» и в течение пяти дней выдать всех провокаторов⁴⁶.

Обстановка, сложившаяся в Первой Конной в сентябре—октябре 1920 г., наложила негативный отпечаток на отношение к армии в целом. В отчете ПУРа за июнь—октябрь, например, много говорилось о бандитизме, антисемитизме, грабежах и пьянстве в Первой Конной; авторы утверждали, что «буденновцы, заменившие красноармейские части, ознаменовали свое прибытие погромами»⁴⁷. В ЦК РКП(б), в РВСР поступали самые неслестные отзывы о Конармии, официально повторенные Л. Троцким на сентябрьской партийной конференции⁴⁸. Сообщая об этом ее Реввоенсовету, И. Сталин потребовал доложить об истинном положении в армии (см.: оп. 1, д. 41, л. 320).

Внимание и беспокойство, проявляемые по отношению к Первой Конной центральными органами республики, станут понятны, если учесть, что в это время армию с нетерпением ждали на Южном фронте. В сообщении В. Ленину от 28 сентября о готовящемся наступлении против Врангеля М. Фрунзе прямо связывал его начало с подходом Первой Конной⁴⁹. Вероятно, поэтому 2 октября последовало предложение В. Ленина Л. Троцкому послать на Южный фронт, и прежде всего в Конармию, Л. Каменева и Г. Зиновьева с тем, чтобы подтянуть там политическую работу, «оживить ее, ускорить весь темп»⁵⁰. На следующий день М. Фрунзе вновь обратился к В. Ленину с просьбой повлиять на продвижение Конармии⁵¹. После очередного доклада М. Фрунзе В. Ленин направил в РВС Первой Конной телеграмму, в которой требовал принять все возможные меры для быстрой переброски армии на юг⁵². Наконец, 6 октября М. Фрунзе (в который уже раз) просил В. Ленина обратить внимание «...на необходимость срочных мер по приведению в порядок в политическом отношении I Конной армии. Полагаю, — писал он, — что в лице ее мы имеем большую угрозу для нашего спокойствия в ближайшем будущем»; здесь же он предложил организовать поездку в армию М. Калинина⁵³. М. Фрунзе всегда придавал большое значение боевым действиям кавалерийских частей⁵⁴. Поэтому неудивительно, что с назначением командующим Южным фронтом он так пристально следил за Конармией и так болезненно относился к ее задержке. В разговоре с командующим 13-й армией И. Уборевичем 8 октября в ответ на вопрос, не может ли он сообщить, когда она начнет действовать, М. Фрунзе с сокрушением сказал: «I Конармия —

одна грусть: продвигается чрезвычайно медленно и поспеет, видимо, не ранее чем к 27—28-му»⁵⁵.

На состоявшемся 6 октября заседании Политбюро ЦК РКП(б) приняли решение направить на Южный фронт для поднятия там агитационной работы Н. Семашко и А. Луначарского⁵⁶. Они вошли в состав возглавляемого М. Калининным агитационно-пропагандистского поезда «Октябрьская революция», отправлявшегося на фронт, и, судя по всему, прежде всего в Первую Конную⁵⁷. С этим поездом в Конармию выехали председатель Моссовета Л. Каменев, нарком юстиции Д. Курский, член ЦК РКП(б) Е. Преображенский, Управляющий делами ЦК РКП(б) Н. Горбунов и др.⁵⁸ Сообщая об этом в РВС Первой Конной, Л. Троцкий и С. Каменев требовали собирания «самых точных... сведений о действительном состоянии и настроении частей... принятия всех мер к тому, чтобы в пути (на Южный фронт.— Н. П.) установить недавнюю доблесть»; извещалось также, что в армию возвращается О. Городовиков — один из ее старейших командиров (оп. 1, д. 77, л. 107—108).

Между тем положение Южного фронта из-за активизации Врангеля серьезно осложнилось. К тому же руководство партии настойчиво требовало от главкома ликвидации этого фронта до наступления осенних холодов. В противном случае белое движение имело бы серьезный шанс для весенней кампании 1921 г., так как было ясно, что вести боевые действия зимой с противником, укрывшимся на Крымском полуострове, практически станет невозможно. А то, что Врангель попытается увести свои части на Крымский полуостров, закрепившись там за системой перешейков, стало ясно после начавшейся переправы врангелевских частей через Днепр. В ЦК РКП(б) и РВСР считали промедление «величайшим преступлением» и, поскольку многое зависело от Первой Конной, требовали от С. Буденного и К. Ворошилова «применить самые героические меры для ускорения сосредоточения I Конной»⁵⁹. Главком С. Каменев также считал, что развязать быстро крымский узел можно только с помощью Первой Конной. Как свидетельствует его телеграмма В. Ленину от 13 октября 1920 г., особые надежды в активизации Южного фронта он возлагал на «ускоренное движение Конной армии»⁶⁰. Неопределенность на Южном фронте косвенно сказывалась и на начавшихся в Риге переговорах с Польшей, осложняла их.

Подстегиваемое бурным развитием событий, нетерпимыми командами из центра и столь многообразным переплетением обстоятельств, руководство Первой Конной оказалось перед необходимостью в сжатые сроки хотя бы притушить разгоревшиеся низменные страсти. В первых числах октября РВС в полном составе побывал в 4, 11 и 14-й дивизиях. Там прошли митинги

и собрания, на которых выступали С. Буденный и К. Ворошилов. Обращаясь к конармейцам, они призывали помнить былую славу Первой Конной и сделать все для оздоровления армии. В 4-й и 11-й дивизиях состоялась беспартийные конференции⁶¹. Позже такая конференция с участием М. Калинина и А. Луначарского прошла и в 14-й дивизии (точную дату проведения этой конференции установить не удалось, так как по одним данным она прошла 16 октября, по другим — 22 октября (С. Орловский писал, что в этот день «С. М. Буденный и Вардин поехали на конференцию беспартийных в 14-ю кавдивизию»); в телеграмме политотдела армии в УкрПУР называлась дата 15 октября, ее же повторял и В. Сидоров)⁶². Усилиями РВС, политорганов и особых отделов дисциплину в этих дивизиях в какой-то степени удалось восстановить. В отношении 6-й решили применить самые суровые меры. По результатам расследования комиссии Г. Мельничанского РВС постановил расформировать ее, а командиров, допустивших моральное разложение, предать суду реввоен трибунала. В армейской газете 10 октября появилась статья «Шестую дивизию — к ответу!», где открыто заявлялось о необходимости самых радикальных мер. Но, судя по случившемуся в тот день, шаг этот оказался несколько опрометчивым — дивизия отказалась выйти на построение. Готовившаяся операция по разоружению, как сообщалось в РВСР и главкому, «задержалась по техническим условиям» (оп. 1, д. 77, л. 30«а»). На следующий день поступили более решительно: у станции Ольшаница, южнее Белой Церкви, окруженную Особой бригадой (эта бригада под командованием К. Стапного-Спичарного выполняла в Первой Конной своеобразную роль «кавалергардской» части; достаточно сказать, что ее политотдел имел статус дивизионного, а количество коммунистов там доходило до 30,9% личного состава — это почти в два раза выше среднеармейского показателя)⁶³, артиллерией и бронепоездами 6-ю дивизию принудили к разоружению 31, 32 и 33-го полков, наиболее отличившихся своим безобразным поведением. Здесь же на месте было арестовано 107 активных зачинщиков беспорядков. Около 300 человек, догадавшись о намечаемых мерах, не вышли на построение и скрылись в лесу. Позже, с 12 по 17 октября, обвинения в преступлении предъявили еще 200 бойцам. Разоруженные кавалерийские полки преобразовали в маршевые, свели в маршевую бригаду и формально «вычеркнули» из списков Конармии. Из оставшихся трех полков (34, 35 и 36-го) приказом РВС № 250 от 11 октября была создана Отдельная кавалерийская бригада, командиром которой назначен Д. Колесов⁶⁴. По существу расформирования 6-й дивизии не произошло, маршевые полки и Отдельная кавалерийская бригада продолжали составлять одно целое. Командиром этой «сборной» дивизии вскоре стал

О. Городовиков — факт, имевший любопытную предысторию. РВС Первой Конной еще в июле 1920 г. просил РВС Юго-Западного фронта прислать О. Городовикова в Конармию, как только улучшится состояние его здоровья (см.: оп. 1, д. 38, л. 139), но решением РВСР О. Городовиков в составе группы военных и партийных работников был направлен на комплектование Второй Конной армии, где предполагалось назначить его командармом после того, как К. Ворошилов отказался от предложения главкома и М. Фрунзе занять этот пост⁶⁵. Поэтому, как только И. Апанасенко отстранили от должности, РВС Первой Конной обратился в Царицынский губвоенкомат и исполком станицы Иловлинской с просьбой ускорить прибытие в армию для назначения на должность начальника 6-й дивизии И. Колесова, бывшего комбрига этой дивизии (брата Д. Колесова), находившегося в то время на лечении. Но из-за контрреволюционных событий, развернувшихся на Дону осенью 1920 г., в которых якобы был замешан И. Колесов, это назначение не состоялось. Начдивом стал прибывший в армию О. Городовиков (см.: оп. 1, д. 15, л. 168). Появление О. Городовикова, пользовавшегося популярностью в армии, бесспорно, положительно повлияло на боеспособность дивизии, способствовало поднятию дисциплины в ней.

12 октября в Первую Конную прибыла московская партийно-правительственная делегация во главе с М. Калининым. Она находилась в армии в течение 10 дней, ведя активнейшую пропагандистскую работу. Приехал и главком С. Каменев, которому, по словам С. Буденного, предстояло дать в ЦК РКП(б) полную информацию о случившемся в Конармии⁶⁶. Основной задачей ставилось поднятие дисциплины и ускорение движения армии на Южный фронт. Выступая на митинге бойцов 6-й дивизии, М. Калинин призывал их «делиться... великодушием... с окружающим рабоче-крестьянским населением»⁶⁷. Лекции о молодежи читались А. Луначарским бойцам 11-й дивизии (см.: оп. 2, д. 117, л. 30). О параде-митинге, который прошел «при участии представителей центра с большим подъемом», сообщал политотдел 14-й дивизии; после прочтения здесь Ил. Вардиным приказа РВС о бандитизме в 6-й дивизии «красноармейцы поклялись быть верными революционному долгу и вытравить из своих рядов всех, дискредитирующих советскую власть и Конармию» (оп. 2, д. 117, л. 30).

Пребывание в Первой Конной крупной партийно-правительственной делегации, безусловно, повлияло на стабилизацию положения. С другой стороны — члены делегации имели возможность непосредственно разобраться в сложившейся тяжелой ситуации. Оценка ей дана на совещании в РВС 14 октября, проходившем

на станции Знаменка, где обсуждались также и меры, принятие которых обеспечило бы быстрое поднятие боеспособности армии и ускоренную переброску ее на Южный фронт⁶⁸.

Учитывая всю тяжесть совершенных преступлений и их возможные последствия, а также то обстоятельство, что события в 6-й дивизии задерживают продвижение армии, РВС на заседании 18 октября пришел к заключению, чтобы «при разборе данного дела армейским реввоен трибуналом... руководствоваться не столько формальной стороной, сколько революционной совестью и важностью переживаемого Первой Конной армией момента...»; РВС выразил надежду, что революционное правосудие оживит «все здоровые, сознательные элементы и поднимет боеспособность... армии на должную высоту» (оп. 1, д. 15, л. 164). Легко представить «законность» судебных решений, выносимых после столь неординарного напутствия.

Выездная сессия реввоен трибунала работала в 6-й дивизии с 21 по 30 октября. Предварительные итоги были объявлены в приказе по армии № 351 от 4 ноября 1920 г. Начдив 6-й И. Апанасенко, командиры 1-й и 2-й бригад В. Книга и Б. Погребов, командиры 32-го и 33-го полков И. Карпенко и К. Анисимов были осуждены и отправлены в РВС Южного фронта (см.: оп. 1, д. 45, л. 89—91; оп. 2, д. 7, л. 54—55). Всего первоначально осуждено 182 человека, из них 110 приговорены к высшей мере наказания. Приговор приведен в исполнение немедленно (см.: оп. 1, д. 91, л. 392). Цифру эту надо считать неполной, так как РВТ завершил работу в целом по армии лишь в ноябре 1920 г. (см.: оп. 2, д. 106, л. 9). А по сведениям об убыли в Первой Конной только за время с 20 сентября по 28 октября, когда армия не вела никаких боев, потеряно около 400 бойцов и командиров (оп. 1, д. 51, л. 138). Есть предположение именно этой цифрой определять число расстрелянных по приговорам реввоен трибунала.

Ситуация в Первой конной, возникшая осенью 1920 г. (если посмотреть на нее в общей связи с обстановкой на фронтах гражданской войны), показывает, в каком неблагоприятном положении мог оказаться Южный фронт накануне подготовки к боевым действиям против Врангеля, если бы развитие событий в Конармии пошло по другому руслу. А такая угроза была вполне реальной. Тогда, 11 октября, никто не мог поручиться за успех операции по разоружению 6-й дивизии. В 1926 г. Ил. Вардин писал: «Операция эта была опасной и рискованной. При неудаче могла произойти катастрофа...»⁶⁹. Это подтвердил и С. Буденный, хотя он и не говорил прямо о своих опасениях⁷⁰. Трудно даже предположить, чем могла обернуться такая неудача для Первой Конной, да и для всего Южного фронта, с нетерпением ждавшего подхода Конармии.

Бурные события, развившиеся в Первой Конной за короткий промежуток времени и приведшие к крайне нежелательным отрицательным последствиям, имели под собой объективную основу, вызревали подспудно и не преминули сказаться, как только возникли благоприятные внешние условия. Произошло это после отхода из-под Львова. Причины случившегося корнями уходили в социальный состав Конармии, принципы ее формирования и пополнения, установившиеся там методы военно-политического руководства и практику материального обеспечения, сложившиеся специфические особенности воинской дисциплины личного состава. Анализ этих причин — тема дальнейшего разговора.

* * *

Так случилось, что с течением времени сформировалось ложное представление о Конармии как казачьей и преимущественно донской. Этому в значительной мере способствовали характер армии, основу которой составляла кавалерия, а также пропаганда ее бывших руководителей и военачальников, волею судеб оказавшихся впоследствии тесно связанными с высшим военно-политическим руководством страны (К. Ворошилов, С. Буденный, Е. Щаденко, О. Городовиков, С. Тимошенко, И. Апанасенко и др.). Эти упрощенные представления не выдерживают научной критики. Социальный состав Первой Конной с течением времени менялся, однако изменения были незначительными, сохраняясь в пределах 71—77% крестьян, 20—25 рабочих, 3—4% интеллигенции⁷¹. Подтверждается это и косвенно. Так, среди 772 членов партийной организации 4-й дивизии в октябре 1920 г. крестьян было 72,9%, рабочих — 22,8, представителей интеллигенции — 4,3% (подсчитано по: оп. 2, д. 11, л. 51).

Не может быть однозначным и подход к определению географии возникновения отдельных частей Первой Конной. Если 4-я дивизия была по-настоящему донской, связанной с именами Б. Думенко и С. Буденного (это общепризнанно и не требует доказательств), то 6-я брала свое начало наполовину из Ставрополя (31, 32 и 33-й полки) (см.: он. 1, д. 150, л. 44—45, 61, 69), наполовину из районов Астрахани и Смоленска (34, 35 и 36-й полки) (см.: оп. 1, д. 157, л. 2, 28—29). Что касается 11-й дивизии, то она в момент создания в значительной мере состояла из рабочих-добровольцев Тулы, Липецка, Рязани, Вышнего Волочка, ранее служивших в кавалерии⁷². В Майкопе и Таганроге весной 1920 г. формировалась 14-я дивизия, по преимуществу из бывших пленных деникинских солдат, уроженцев чаще всего Кубани и Северного Кавказа⁷³. Заметную роль в истории Первой

Конной играла Особая кавалерийская бригада, образованная в августе 1920 г. из полка Особого назначения (бойцы-ветераны 4-й и 6-й дивизий — добровольцы с Дона и Ставрополя), Сибирского полка (возникшего еще в ноябре 1918 г. в Казани в составе 5-й армии Восточного фронта и затем пополнявшегося под Петроградом и на Южном (против Деникина) фронте) и конного артиллерийского дивизиона, сформированного в Таганроге и Дубно (см.: он. 8, д. 14, л. 105—110). Недолгое время в составе Первой Конной просуществовала 19-я дивизия, созданная из поступавших в конце 1920 — начале 1921 г. резервов главкома, украинских добровольцев, остатков конного корпуса Г. Гая, маршевых эскадронов оренбургского казачества (см.: оп. 2, д. 4, л. 17; д. 182, л. 965—967).

Необходимо отметить, что такое географическое деление довольно условно, так как потери Первой Конной и их компенсации всегда были очень существенны, а пополнение по своему этнографическому происхождению весьма разнообразно. Так, в январе 1920 г. в ходе боев под Ростовом в армию влился кавалерийский полк, образованный Саратовским губвоенкоматом из немцев Поволжья (см.: оп. 8, д. 14, л. 128). И тем не менее нельзя не признать, что в истории отдельных соединений сохранялись известные традиции, передававшиеся от пополнения к пополнению и накладывавшие своеобразный отпечаток на облик полков, бригад и дивизий. Пример этому — случившееся в 6-й дивизии после отхода из-под Львова именно с полками 31, 32 и 33-м, география возникновения которых отлична даже от остальных полков той же дивизии. Поэтому пренебрегать этими различиями нецелесообразно.

Итак, по своему социальному составу Первая Конная мало чем отличалась от Красной Армии в целом. И болела она теми же болезнями, отдавая «неизбежную дань крестьянскому ее составу»¹⁴. Только болела гораздо сильнее, ибо ко всему прочему здесь примешивалась еще и агрессивность, порождавшаяся безусловно заслуженным, добытым кровью, но в соединении с крайне низким уровнем культуры — особенно опасным, авторитетом беспроектного воинского объединения, делавшим бойцов Первой Конной и ее командиров тщеславными и одновременно подверженными резким колебаниям настроений в зависимости от боевых удач или поражений. Особенным для Первой Конной (в контексте сказанного выше) было лишь то, что большой процент личного состава определялся выходцами из крестьянских семей, положение которых позже оценивалось как кулацкое. Здесь отличия существенны. Выступая 11 марта 1920 г. на собрании представителей общественных организаций Ростова, К. Ворошилов признал, что армия «была составлена из крестьян и казаков по

преимуществу зажиточных и часто очень и очень богатых» (оп. 8, д. 7, л. 10). Об этом же писал 16 апреля 1921 г. и председатель реввоен трибунала Первой Конной Л. Плавнек, утверждавший, что «1-я Конная имеет в своем составе большой процент казачества, среди коих немало весьма зажиточных» (оп. 1, д. 26, л. 85). А ведь это была та категория «крепких» крестьян, которые, уверовав в лозунги революции, пошли в нее с полной отдачей прирученного им природного качества «смекалистого и хватистого» мужика. Однако разочаровавшись в этих лозунгах, они столь же активно стали им противиться, делая борьбу бескомпромиссной и жестокой, увлекая за собой своим прошлым авторитетом значительные массы бойцов и командиров. Это, на наш взгляд, одна из причин столь массового и быстрого разложения Первой Конной осенью 1920 г.

Необычными для Красной Армии были принципы формирования и пополнения Первой Конной. В отличие от всех других воинских объединений она возникла, пополнялась и создавала новые подразделения прежде всего за счет добровольцев. Масштабы ротации личного состава были внушительными. Так, ко времени завершения операций против Врангеля в ноябре 1920 г. боевой состав Первой Конной насчитывал 17100 чел (оп. 1, д. 72, л. 19), что численно почти не отличалось от мая 1920 г., когда армия начинала боевые действия на польском фронте (около 18 тыс. сабель)⁷⁵. Но это была по существу уже другая армия, так как в общей сложности за время польско-врангелевской кампании из строя выбыло около 14 тыс. боевого состава⁷⁶. Последнее надо подчеркнуть особо, так как добровольческий принцип формирования делал конармейцев особенно стойкими в боевом отношении. Героизм их подчас выходил за пределы рационального. Возможно поэтому ни одна другая армия республики не несла таких потерь в годы гражданской войны, как Первая Конная. Однако наряду с положительным содержанием добровольчество привнесло и массу отрицательных качеств (партизанщину, пренебрежение к нормам воинской дисциплины, а часто и откровенные рецидивы бандитских явлений), что особенно чувствовалось на раннем этапе истории Конармии. Ведь не случайно армейское совещание ответственных политических работников, в марте 1920 г. резко отрицательно оценившее положение в дисциплине в частях, обратилось к РВС с требованием «прекратить хаотический набор добровольцев в армию и сконцентрировать это дело в руках армейских и дивизионных организаций» (оп. 1, д. 15, л. 60—61). Понимая сложность ситуации и пытаясь как-то упорядочить приток желающих, РВС пошел на создание органа, призванного вести предварительную работу с поступающим пополнением. Так, в начале 1920 г. возникло Управление формиро-

вания армии (Упраформ), роль и значение которого, бесспорно, были весьма значительными. Достаточно напомнить, что только за небольшой промежуток времени весной 1920 г. там была сформирована целая дивизия — 14-я⁷⁷. В Упраформе велась и другая работа — готовились армейские кадры: военные, политические, специалистов. Но в июне 1920 г., когда Первая Конная вступила в польскую кампанию, Упраформ был передан Юго-Западному фронту⁷⁸ и возвращен Конармии лишь в октябре 1920 г.⁷⁹ Очевидная неразумность такого решения республиканского и фронтового командований не вызывает сомнений. По свидетельству Л. Ключева, например, в ходе польской кампании армии было компенсировано Главным командованием только 10% выбывшего из строя личного состава⁸⁰.

Это деморализовывало бойцов. К тому же, не имея возможности систематически и целенаправленно готовить пополнение, Первая Конная вновь стала довольствоваться притоком случайных людей, часто зараженных контрреволюционными, авантюристскими и просто бандитскими настроениями. Это были и деникинские офицеры, получившие, как стало известно, разрешение вступать в Красную Армию с целью ее разложения⁸¹ (в мае 1921 г. заместитель начальника особого отдела Конармии в докладе в ПУР указывал, что количество армейского комсостава, ранее служившего у белых, доходит в Первой Конной до 2000 из них бывших офицеров — 300 человек (оп. 2, д. 193, л. 110)); и сочувствующие, а то и прямо связанные с повстанческим движением Н. Махно, люди анархистских настроений; и просто уголовные элементы, видевшие в Первой Конной возможность для грабежа и наживы. Все это подспудно готовило события октября 1920 г.

Существенный вклад в подготовку этих событий внесла практика материального снабжения, имевшая место в Первой Конной. Вопрос снабжения, бывший по словам главкома «едва ли не самым тяжелым» в годы гражданской войны⁸², для Первой Конной оказался самым тяжелым. И если потребность в боеприпасах еще как-то удовлетворялась центральными республиканскими и фронтовыми довольствующими органами, то снаряжение, продовольствие и фураж, а также пополнение лошадьми за редким исключением почти полностью отсутствовали. На это были объективные причины, и прежде всего резкое ухудшение в 1920 г. общего экономического положения в республике, что легко прослеживается хотя бы по двум основным видам потребности армии — в хлебе и лошадях. Если в 1919 г. у крестьян отчуждалось до 15—20% собираемого ими хлеба, то в 1920 г. процент поднялся до 30⁸³. Это при том, что урожай 1920 г. был намного скуднее. Если в 1919 г. рыночная цена на лошадь колебалась от 17 до 45 тыс. руб.⁸⁴, то в 1920 г. по причине большого оттока лоша-

дей в армию цена поднялась до 200 тыс. руб.⁸⁵. Очевидно, что давать то и другое в Красную Армию становилось все труднее. Добавим сюда развал железнодорожного транспорта, интенсивность передвижений Первой Конной (с 26 мая по 31 августа 1920 г. она прошла с боями свыше 800 км, ее оперативная подвижность в среднем равнялась 30 км в сутки)⁸⁶, и нетрудно будет представить, как она могла снабжаться. За время польской кампании Конармия только однажды получила от центральных органов около 30 тыс. комплектов обмундирования. Было это в мае 1920 г., во время перехода на польский фронт, когда армия еще поддерживала тесные связи с тылом республики⁸⁷. Сумятицу вносили и частые переподчинения фронтам. Так, с выходом в сентябре 1920 г. в резерв главкома (перед этим армию из Юго-Западного фронта передали Западному), снабжение боеприпасами, обмундированием и пополнение личным составом предполагалось осуществлять центральными органами, продовольствие и фураж должны были поставляться Юго-Западным фронтом, в боевом отношении — подчинение Южному фронту⁸⁸.

Неприглядное состояние дел со снабжением стало результатом и субъективных, сугубо конармейских условий. Как отмечалось в приказе РВС Первой Конной № 60 от 30 июня 1920 г., «после перехода 1-й Конной армии на панско-петлюровский фронт тыловые армейские учреждения оказались в силу целого ряда причин в состоянии распада...» (оп. 8, д. 1, л. 57). Не последней среди этих причин оказалась разобщенность в руководстве армейским снабжением. Общим явлением стали, например, конфликты между особыми продовольственными комиссиями (опродкомами) и Управлением снабжения армии (Снабармом), по характеру определяемых для них полномочий, взаимоисключающих друг друга. Первые занимались заготовкой, вторые — распределением продкутов. При этом опродкомы по своему статусу совершенно не зависели от военно-политического руководства армии. Действия их, часто вызывавшие нарекания со стороны бойцов, возмущавшихся тем, что они, «забирая скот и разные продукты у жителей бесплатно», не оставляют никаких следов (оп. 2, д. 105, л. 55), не могли контролироваться и пресекаться на месте, а невежественное поведение их исполнителей принимало форму откровенного чванства. Нескладным оказалось и общее руководство снабжением, осуществлявшееся Чрезвычайным Уполномоченным Совета Труда и Обороны (чусоснабарм), по положению обособленным от военного руководства, а потому не пользовавшимся вниманием и поддержкой РВС, что в условиях Первой конной практически означало нивелирование его функций. С. Гусев считал, что система построения органов снабжения Красной Армии по принципу строгого централизма, когда органы снабже-

ния, оставаясь в армии, были независимы от ее командования, отвечала «социалистическому производству и социалистическому распределению»⁸⁹. В этом следует усомниться, так как на практике это вело к отчужденности органов снабжения, конфликтам с военным руководством и непременно к злоупотреблениям. Опыт Первой Конной — убедительное подтверждение этому. Возникла ситуация, когда, по мнению очевидцев, в конармейских органах снабжения летом 1920 г. наблюдались «отсутствие... дисциплины ... халатное отношение к работе» (оп. 1, д. 151, л. 2). Положение еще больше осложнилось в результате дезорганизующих действий в сфере распределения члена РВС Е. Щаденко. Удручающую картину представляют материалы представительного совещания армейских снабженцев, состоявшегося 25 июля 1920 г., в работе которого приняли участие чусоснабарм В. Муст, начальник снабжения Д. Углов секретарь РВС С. Орловский и около шестидесяти руководящих работников системы обеспечения армии (см.: оп. 1, д. 25, л. 331—336; д. 46, л. 124—134). Позже в статье «Задачи снабжения» С. Орловский так сформулировал выводы этого совещания: неосведомленность армейских аппаратов о работе их местных органов; разобщенность заготовительных и распределительных функций и их исполнителей; полная дезорганизация обоза; несоответствие многих работников своему назначению; бюрократизм, волокита, злоупотребления⁹⁰.

После совещания разбором положения дел с продовольственным обеспечением занялись РВТ Первой Конной и Юго-Западного фронта. В результате 1 августа 1920 г. всю коллегию Опродкомарма арестовали⁹¹. По мнению Рабоче-Крестьянской инспекции (РКИ) Юго-Западного фронта работа этой коллегии представляла «самую безобразную и плачевную картину» (оп. 1, д. 27, л. 456). Сессия РВТ Первой Конной постановила «привлечь к судебной ответственности полностью коллегию Опродкомарма и начальников всех отделов и подотделов, предъявив всем обвинение в преступно-небрежном отношении к своим прямым служебным обязанностям, повлекшим за собой тяжкие последствия для армии» (оп. 1, д. 27, л. 456). Таков печальный итог особого положения продорганов Первой Конной. Немаловажную роль в этом сыграло и то обстоятельство, что эти органы «в силу своей структуры построения управления без комиссаров» оказались обойденными политическим контролем (оп. 2, д. 187, л. 42). Об этом по-настоящему вспомнили только в сентябре—октябре 1920 г., во время разразившегося военно-политического кризиса в армии (см.: оп. 2, д. 133, л. 12; д. 187, л. 41). Но даже и тогда стремление установить политический надзор встретило у руководства Опродкома крайнюю недоброжелательность. По заявлению уполномоченного политотдела армии П. Черных, «в высшей степени над-

менное и наделенное диктаторскими замашками», оно игнорировало все попытки проникновения политического влияния в сферу его деятельности (оп. 2, д. 187, л. 37). Не лучшим образом обстоит дело и в дивизионных органах снабжения, где, по словам военкома снабжения 4-й дивизии, открыто проявлялось «халатное отношение к политической работе даже со стороны высшего комсостава» (оп. 2, д. 184, л. 4).

Наивно думать, что если бы комиссары были в органах снабжения, можно было бы предотвратить их развал. Этого не могло произойти хотя бы потому, что люди, занятые в аппаратах снабжения, как правило, были очень далекими от этой довольно сложной, требующей специальной подготовки области хозяйственной деятельности. О какой постановке работы можно говорить, если в частях, подведомственных Управлению снабжения, Первой Конной в октябре 1920 г. из 942 человек неграмотных насчитывалось более половины (определено по: оп. 2, д. 63, л. 1). Вместе с тем следует признать, что жесткий политический прессинг, как это было в боевых частях, мог бы в какой-то мере нейтрализовать коррупцию и разложение.

Все это, разумеется, не могло не отражаться на обеспечении армии, потребности которой выражались внушительными цифрами. По подсчетам С. Буденного, ежедневно Первой Конной требовалось около 17 т хлеба, 21 овса, 25 т сена⁹². Во время боев на юге (против Деникина) большая доля этого удовлетворялась за счет местного населения. В документах той поры нередко можно встретить с замечаниями такого рода: «Продовольственный вопрос в самых благоприятных условиях, так как гражданское население сел и деревень встречает красноармейцев радушно...» (оп. 2, д. 168, л. 168). С переходом на западные фронты положение изменилось коренным образом. Как довольно сдержанно отмечалось на собрании одного из подразделений в августе 1920 г., «с продовольствием здесь стало несколько похуже, как это было нам на Кавказе, где мы не знали никакой порции в пище, а также в других предметах» (оп. 2, д. 100, л. 191). Показательны в этом отношении два письма РВС Первой Конной в ЦК РКП(б) в июне и сентябре 1920 г. В первом писалось: «Сейчас наша армия ведет решающую борьбу на белопольском фронте. Как она воюет? Продовольствия нет. Бойцы раздеты и разуты... Лошадей, седел, конского снаряжения не хватает...» (оп. 2, д. 193, л. 106). Второе письмо гласило: «Фронтные и республиканские органы Красной Армии «далеко не всегда относились к 1-й Конной армии бережно, внимательно, предусмотрительно, и... оперативные директивы... давались гораздо охотнее, чем все то, что необходимо для сохранения боеспособности армии и без чего оперативные директивы выполняться не могут» (оп. 1, д. 145,

л. 3). С. Орловский, говоря о периоде с начала июня и до середины июля 1920 г., констатировал: «Армия самоснабжалась, а не снабжалась»⁹³. Признавалось это и в Реввоенсовете. В сентябре 1920 г. К. Ворошилов, общаясь с командным и комиссарским составом дивизий, заметил, что дело «с довольствием и фуражом обстоит плохо и приходится брать у населения...» (оп. 1, д. 77, л. 178). При этом, как сообщалось, например, из 14-й дивизии, добывание продовольствия носило полуанархический характер, а продукты брать у крестьян приходилось «чуть ли не силой» (оп. 2, д. 176, л. 312—313). Вплоть до октября 1920 г., до перехода на Южный (против Врангеля) фронт, Первая Конная не получила и десятой доли того, что необходимо регулярной армии, а потому она «вынуждена самоснабжаться, вынуждена производить необходимый «грабеж», — писал РВС в ЦК РКП(б) (оп. 2, д. 193, л. 106). Между прочим, слова о «необходимом грабеже» это не случайно оброненная фраза. В 1926 г. Ил. Вардин вполне серьезно, с попыткой аргументировать, писал о якобы допустимых в рамках «естественной нормы» «присвоениях» бойцами Конной армии «чужой собственности»⁹⁴. Вероятно, такие настроения были не чужды руководству Первой Конной, коль скоро так откровенно они высказывались.

Много нареканий в адрес руководства армии поступало из-за неуплаты бойцам жалованья. Случалось, когда его не получали с апреля 1920 г. (см., например: оп. 2, д. 176, л. 312). Вопрос о жалованье не случайно поднимался очень часто. По утвержденной Совнаркомом (СНК) сетке тарифных окладов, бойцы Красной Армии с 1 июля 1920 г. получали от 1200 руб. и выше в месяц (см.: оп. 2, д. 100, л. 43). Исходя из существовавших в то время цен на промышленные товары (по накладным об отпуске со складов Первой Конной нательная рубашка стоила 159 руб., валенки — 2020, шлем — 569, теплая рубашка — 268, телогрейка — 702, вещмешок — 111, шаровары кавказского образца — 1138 руб.)⁹⁵, жалованье служило серьезным подспорьем красноармейцам. Неуплата его лишала бойцов последней возможности приобрести предметы первой необходимости. Как сообщал военком 81-го полка 14-й дивизии в августе 1920 г., «в полку имелось бойцов налицо 189, из которых до 60 человек совершенно босых» (оп. 2, д. 176, л. 302). И это далеко не исключение, а скорее правило. В большинстве частей треть личного состава хронически пребывала раздетой и разутой (см.: оп. 2, д. 84, л. 56). Естественно, возникавшие опасения по поводу того, что «неудовлетворение обмундированием может повлечь за собой самоснабжение» (оп. 2, д. 117, л. 31), не лишены были здравого смысла. К тому же приближалась осень.

Надо сказать, что руководство Первой Конной не закрывало

глаза на столь мрачную картину. Но, как справедливо заметил Ил. Вардин, С. Буденного и К. Ворошилова, занятых преимущественно решением боевых задач, на вопросы административного характера просто не доставало (см.: оп. 1, д. 25, л. 307—308). Организацией снабжения армии ведал третий член РВС. Сначала это был Е. Щаденко, затем с мая 1920 г. С. Минин и, судя по состоянию дел, ни тот ни другой с обязанностями не справлялись. Такое убеждение подкрепляется и мнениями участников событий. Военком Управления снабжения армии Фролов, писавший о наладившемся в конце 1919 — начале 1920 г. снабжении, считал, что после того, как этими вопросами занялся Е. Щаденко, оно стало разваливаться в силу незнания и непонимания его последним (см.: оп. 1, д. 24, л. 743—744).

Заметим, писалось это в мае 1920 г., в пору наиболее благоприятного положения дел. Не пришли к взаимопониманию назначенный членом РВС вместо Е. Щаденко С. Минин и особоуполномоченный РВС по снабжению армии Сиденко (см. об этом: оп. 1, д. 44, л. 134). Ситуации такого рода были неизбежными, ибо отсутствие опыта и квалификации не могло компенсироваться лишь энтузиазмом.

С. Буденный и К. Ворошилов пытались хоть как-то наладить снабжение. Осенью 1920 г. для «подталкивания» центральных республиканских органов РВС направил в Москву в полевой штаб своего представителя М. Бочкова. Этим же занимался там и С. Минин, уехавший на партийную конференцию РКП(б). Памятуя о старых традиционных связях с районами Северного Кавказа, туда послали военкома штаба армии А. Дижбита с тем, чтобы попытаться получить помощь (см.: оп. 1, д. 77, л. 178). В сентябре 1920 г. РВС просил ЦК РКП(б) разрешить агитационную поездку С. Буденного на Северный Кавказ и Дон, чтобы привлечь добровольцев в армию (см.: оп. 1, д. 145, л. 4—5). Планировавшаяся поездка, помимо прочего, преследовала бы и меркантильную цель: получить пополнение в большинстве своем с лошадьми и амуницией, как это было в 1919 г. Однако руководство Первой Конной, оторванное от районов Дона и Кубани, плохо представляло политическую и экономическую ситуацию, определявшуюся там к концу 1920 г. А она становилась неблагоприятной для реализации их планов. Это отчетливо понимали в Москве. С. Минин писал: «Прибыл в Москву 14.9.20. Докладывал Ленину, Сталину, Калинину, Склянскому, главному. Нашему главному предложению принципиально сочувствуют. Затруднение в ситуации момента. Окончательный ответ ожидается каждый час. Ответ положительный весьма возможен...»⁹⁶ Оптимизм С. Минина оказался чрезмерным. Поездка С. Буденного так и не состоялась.

Ряд конкретных мер приняли и в самой армии, в частности по наведению порядка в обозах (см., например: оп. 1, д. 25, л. 215). Но усилия РВС носили кустарный характер и не могли изменить общего положения, где в основе лежали проблемы, разрешение которых руководству Первой Конной было не под силу. Развал в органах снабжения, сливаясь с объективными трудностями в обеспечении Первой Конной, прямо отражался на морально-политическом климате личного состава, порождая активное самоснабжение, закономерно вырождавшееся в грабеж населения прифронтовых районов. Напомним — происходило это накануне и после отхода армии из-под Львова и безусловно явилось составной частью назревавшего военно-политического кризиса в ней.

* * *

Все, о чем говорилось выше, в большей мере можно отнести к анализу условий объективных, тесно переплетавшихся с положением общереспубликанским. Однако октябрьский кризис в Первой Конной — в конечном счете ее внутреннее явление, и искать мотивы следует прежде всего в ней самой. Поэтому в первую очередь, на наш взгляд, следует обратиться к методам военно-политического руководства, утвердившимся в Первой Конной и, как свидетельствуют документы, во многом отличным (по содержанию, а не по форме) от общепринятых в Красной Армии. В этом смысле поведение руководителей Первой Конной, ее РВС задавало своеобразный тон. Начнем с того, что С. Буденный и К. Ворошилов очень ревностно (часто на грани с предвзятостью) относились ко всему, что связывалось с формированием представлений об армии. Делалось это под прикрытием якобы благородной цели — заботы об авторитете армии, что само по себе заслуживало одобрения, но по существу, на практике, выражалось в почти полное игнорирование критических замечаний в свой адрес. Будь уровень культуры руководства Первой Конной достаточно высоким — беда небольшая, на известном рубеже срабатывали бы интеллектуальные тормоза. Однако мы вынуждены констатировать обратное. Сказанное легко проиллюстрировать на примере пресловутого «инцидента с Жилинским». Суть его в следующем. В начале июня 1920 г. в Первую Конную на должность начальника политотдела назначили Иллариону Вардина (Мгеладзе) (см.: оп. 1, д. 54, л. 6). Но спустя две недели от члена РВС Юго-Западного фронта Х. Раковского поступила телеграмма, где сообщалось, что по решению ЦК РКП(б) Ил. Вардину необходимо сдать дела направляемому в Конармию С. Фази-Жилинскому, а самому выехать на станцию Знаменка для заведования дорожн м политотделом (см.: оп. 1,

д. 38, л. 34). РВС Первой Конной опротестовал это решение и ходатайствовал об оставлении Ил. Вардина в Конармии (см.: оп. 1, д. 44, л. 106). Об этом шла речь и в разговоре С. Буденного и К. Ворошилова с И. Сталиным и А. Егоровым 29 июня (см.: оп. 1, д. 13, л. 93). РВС Юго-Западного фронта согласился с предложением РВС Первой Конной и 4 июля окончательно утвердил Ил. Вардина начпоконармом (см.: оп. 1, д. 68, л. 61). Но так как С. Жилинского уже направили в Первую Конную, то С. Буденный и К. Ворошилов просили фронтовое руководство оставить его в должности заместителя Ил. Вардина (см.: оп. 1, д. 13, л. 93; д. 38, л. 138). В связи с этим Х. Раковский 7 июля писал С. Минину: «Спешу обратить серьезное внимание на использование Жилинского. При оставлении Мгеладзе оставление Жилинского не только возможно, но и крайне необходимо» (оп. 1, д. 38, л. 143). Х. Раковский просил С. Минина постараться «внести взаимные доброжелательные отношения», отчего «будет только польза для дела» (оп. 1, д. 38, л. 143). Но очень скоро разразился скандал, в результате которого С. Жилинского отстранили от должности (см. об этом: оп. 8, д. 11, л. 1—8). Дело в том, что в первых числах июля С. Жилинский и начальник осведомительного отдела политотдела армии Аванесов подготовили и отправили в центральные партийные и советские органы сводку № 2767 о политическом состоянии Конармии (см.: оп. 2, д. 193, л. 108). Сводка составлялась по данным, имевшимся в политотделе, и главным образом по материалам общего собрания начальников политотделов, военкомов, комсостава частей, а также представителей комячеек, проходившего 29—30 июня в Новоград-Волынке. Совещание созвали, по определению Ил. Вардина, «для обсуждения целого ряда назревших дел... и выяснения взаимоотношений между военкомками и комсоставом» (оп. 2, д. 176«а», л. 318—319). Анализировались среди прочих и такие вопросы, как «о проявлении антисемитизма и шовинизма в рядах армии, о случаях грабежа и насилий, об отношении к пленным и гражданскому населению»; совещание указало на слабую согласованность в работе дивизионных политотделов, особых отделов и реввоенрибуналов, на ряд других негативных явлений в армии, рекомендовало сконцентрировать внимание на усилении политического влияния на личный состав, улучшении работы органов снабжения, применении репрессивных мер (см.: оп. 1, д. 25, л. 215). В духе совещания и была составлена политсводка № 2767, где, в частности, делался и такой вывод — большая доля нарушений дисциплины в армии «берет свое начало благодаря попустительству и поощрению комсостава» (оп. 2, д. 193, л. 108). В заключение в политсводке сообщалось, что совещанием 29—30 июня «принят ряд резолюций, долженствующих быть проведенными в

жизнь немедленно во избежание развала армии» (оп. 2, д. 193, л. 108). Если исключить некоторую категоричность формулировок и говорить только об отрицательных моментах, то надо признать, что документ в целом отражал объективную картину положения дел в Первой Конной.

Политсводка вызвала бурную реакцию со стороны руководства армии — 6 июля РВС срочно созвал совещание командиров и комиссаров, на котором, кстати сказать, не было ни одного политработника, кроме С. Жилинского. Военкомы дивизий, принимавшие участие в совещании 29—30 июня и голосовавшие там за принимавшиеся резолюции, теперь вдруг заняли совершенно противоположную позицию, обвинив составителей сводки в «сплошном вымысле», «прямом искажении фактов», «преступном отношении к бойцам», «непродуманных, ложных выводах» и т. д. (см.: оп. 1, д. 44, л. 112). Отвечая на обвинения, С. Жилинский заметил, что сводка отражает линию поведения совещания в Новоград-Волынске, «где были особенно видны теневые стороны политического воспитания частей» (оп. 1, д. 44, л. 112). Но его мало кто слушал, так как тон задавали другие выступления, например К. Ворошилова и начальника особого отдела армии А. Дижбита, обвинявших политотдел армии в «бедности» и предложивших приостановить сводку, а военкомам «предоставить свое мнение о сводке и указанных ею недостатках» (оп. 1, д. 44, л. 113). Что и было сделано. С. Жилинского освободили от должности и отправили в политотдел Юго-Западного фронта. Ил. Вардина обязали «обследовать дело составления сводки, явно несоответствующей действительности и представляющей клевету на армию. Составить сводку на основании фактического проверенного материала» (оп. 1, д. 15, л. 94). Дело для Ил. Вардина, вероятно, было очень трудным, так как он председательствовал на совещании в Новоград-Волынске и, несомненно, понимал объективный характер сводки (см.: оп. 1, д. 25, л. 215). Но он уже шел на поводу у РВС, если судить по отправленному им еще 5 июля отчету в политотдел Юго-Западного фронта (см.: оп. 1, д. 44, л. 106—107), который был значительно смягчен по сравнению с первым вариантом, писавшимся ранее под настроением совещания в Новоград-Волынске (см.: оп. 2, д. 176«а», л. 316—320). К сожалению, среди архивных документов не найден протокол совещания 29—30 июня, хотя Ил. Вардин в первом варианте отчета сообщал, что «протокол данного совещания прилагается»⁹⁷. Подобных компромиссов Ил. Вардина с РВС Первой Конной с течением времени будет все меньше и меньше. Кончится тем, что в феврале 1921 г. произойдет разрыв, и тогда уже Ил. Вардин вынужден будет покинуть Конармию. В июле 1920 г. его принципиальности не хватило.

Мотивировка решения об отстранении С. Жилинского вполне соответствовала общей линии поведения руководства Первой Конной. В РВС Юго-Западного фронта сообщалось 15 июля: «Жилинский не оправдал ваших и наших надежд. Не побывав ни в одной дивизии, не войдя совершенно в курс дела, он... составил и разослал в центральные учреждения общеармейскую политсводку, которая полна оскорбительной клеветы на Конармию и насквозь пронизана мещанским недоброжелательством...» (оп. 1, д. 38, лл. 139—140). В свою очередь С. Минин добавлял в тот же адрес: С. Жилинский своей «легкомысленной и противоречащей фактам политсводкой... обнаружил враждебное отношение к Конармии и создал для себя невозможное положение» (оп. 1, д. 38, л. 138). Не ограничившись этим и с целью восстановить авторитет, РВС Первой Конной направил в ЦК партии письмо (судя по стилю Черновика, готовилось оно Ил. Вардиным), где поставил ему в вину ни много ни мало — ответственность за беспорядки в армии (см.: оп. 2, д. 193, л. 106—107). Обида захлестнула разум, а чувства подменили здравый смысл.

Нетерпимость сверху передавалась командирам и личному составу, создавая в не очень развитом сознании конармейцев представление о себе как о людях неподсудных и чаще всего правых. Сознание этой правоты зиждилось на осознании своей силы, а последнее должно было постоянно подкрепляться боевыми успехами. В противном случае в этом неокрепшем сознании наступал кризис, толкавший его носителей на авантюрные поступки, дабы только сохранить уходившее представление. Поэтому бойцы Первой Конной так легко поддавались крайне поляризационным настроениям, сильно рефлектируя на события. Несостоявшееся взятие Львова отрицательно сказалось на этой рефлексии.

В случае с С. Жилинским прослеживается характер взаимоотношений РВС с комсоставом, пользовавшимся покровительством руководства армии и подыгрывавшим ему. Нашло отражение здесь и положение военкомов, занимавших колеблющиеся позиции между комсоставом и политработниками. Определилось отчасти и место политотдела армии как органа, набирающего силу, но еще недостаточную, чтобы противостоять позиции командиров и колебаниям комиссарского состава. На этом следует остановиться особо, так как немалая доля вины за октябрьские события ложится на тех, кто занимался политической обработкой личного состава. Снова обратимся к практике РВС, только теперь в иной области.

Как уже отмечалось, отношение РВС к командирам, комиссарам и политработникам было далеко не равноценным. Это прослеживается, в частности, по данным о награждениях за

время с января по ноябрь 1920 г. Из 178 человек, получивших орден Красного Знамени, военкомов — 16, политработников — ни одного; из 233 награжденных ценными подарками, военкомов — 9, политработников — 5 (подсчитано по: оп. 1, д. 78, л. 53—70). При этом следует иметь в виду, что последние (А. Бодров, Васильев — заведовали в разное время политотделом армии; Лосев — заместителествовал в этой должности; В. Берлов, Г. Худенко — заведовали политотделами дивизий) удостоены внимания до мая 1920 г., до прихода армии на польский фронт (см.: оп. 1, д. 78, л. 42—45). Таким образом, мы видим почти полное игнорирование «вдохновителей и воспитателей». И наоборот, командирам всякий раз старались потрафить, как, например, в связи с попыткой добиться от РВС Юго-Западного фронта разрешения на присвоение всем командирам Конармии, прослужившим на командных должностях более двух лет, звания «красный командир» (см.: оп. 1, д. 38, л. 141). Можно заметить, что это мелочь, но мелочь во многом показательная. Возьмем военно-мемуарную литературу. У авторов-первоконников и особенно у С. Буденного можно встретить массу свидетельств о героизме боевых командиров. Значительно меньше внимания уделялось комиссарам. И совсем в тени оставался многочисленный отряд политработников⁹⁸.

Такая пристрастность не могла не отражаться на взаимоотношениях между различными категориями военно-политического руководства, а РВС, используя разногласия, лавировал между группами, настойчиво подтягивая военкомов до уровня командиров. Так набирал силу пункт инструкции для комиссара Первой Конной со сталинской формулировкой: «...если командир части является главой части, то комиссар обязан быть отцом и душой части» (оп. 2, д. 10, л. 67). Найти отличие между «главой» и «отцом» не представляется возможным.

Показателен результат опроса участников одного из делегатских собраний 11-й дивизии в связи с оценкой качеств военкома. На первое место ставились храбрость в бою, популярность, забота о бойцах (см.: оп. 2, д. 89, л. 2—3). Поэтому прав был Ил. Вардин, когда писал: «...в нашей армии комиссар является в то же время почти командиром...» (оп. 1, д. 44, л. 107). Можно привести массу фактов в подтверждение такого положения. Так, например, А. Федин в мае 1920 г. был назначен командиром и военкомом дивизиона; в июле — он военком эскадрона, а с августа — командир и комиссар этого эскадрона⁹⁹. В мае 1920 г. командиром второй бригады 4-й дивизии был Мокрицкий, а в июле он военком этой бригады¹⁰⁰. Добавим к сказанному, что в Первой Конной в отличие от всех других армий в эскадронах были не политуки, а военкомы, статус которых намного выше

(освобожденная должность, более высокая зарплата и т. д.). Поэтому соотношение «военком — личный состав» в Конармии в четыре раза превышало средний по Красной Армии¹⁰¹. Все это активно подкреплялось усилиями РВС, часто возглавлявшего основную ответственность за боевые неудачи на военкомов частей. В одном из обращений к начальствующему составу К. Ворошилов писал: «...многие комиссары очевидно упускают из виду, что за невыполнение боевых приказов (армейскими частями.— Н. П.) они в первую очередь несут ответственность...» (оп. 2, д. 92, л. 107).

Сближение функций военкомов и комсостава делало их взаимоотношения с политработниками натянутыми. Отход военкомов от политической и культурно-воспитательной работы, увлечение их оперативно-тактическими вопросами вызывали протест со стороны политработников. Начальник политотдела 4-й дивизии С. Грай, например, в рапорте Реввоенсовету подвергал острой критике поведение начальника и военкома дивизии за несогласованность их действий с намерениями политотдела (см.: оп. 2, д. 6, л. 34—35). Такие дразги — типичное явление для Первой Конной.

Следует отметить, что процесс сближения комсостава и военкомов и отход последних от выполнения своих прямых функций к концу гражданской войны характерен в целом для Красной Армии. На это обращалось внимание, например, в приказе ПУРа № 88 от 5 октября 1920 г., где указывалось, что «в частях особенно резко бросается в глаза отрыв военных комиссаров от политико-просветительной работы»¹⁰². Объясняется это, вероятно, несостоятельностью насаждавшегося коллегиального руководства в армии. В Первой Конной это проявлялось особенно наглядно, между тем как на словах все выглядело вполне пристойно. РВС Конармии даже подписал совместное постановление с политотделом Юго-Западного фронта, устанавливавшее такой порядок: вся работа политотдела армии должна быть подчинена одному из членов РВС, а политработа в дивизиях — военкому дивизии (см.: оп. 1, д. 25, л. 56). Как видим, декларация оказалась сугубо формальной.

Ослабление контактов руководства Первой Конной с политорганами можно проследить по журналу входящих и исходящих документов РВС (с 1 января по 23 сентября 1920 г., т. е. до появления открытых признаков кризисных явлений). Из 815 документов, поступивших в РВС, относящихся к политработе — 67. При этом все они приходятся на время до начала апреля 1920 г. Затем письменная связь политорганов с РВС прекращается (подсчитано по: оп. 1, д. 114, л. 1—86).

Еще один пример, довольно типичный для Первой Конной, теперь уже на фоне отношения РВС к командирам. Во время конфликта, возникшего между начальником 11-й дивизии Ф. Морозовым и инструктором-организатором политотдела Плетнёвым, когда последнему было нанесено «оскорбление действием» и о котором сообщал в РВС заместитель начальника политотдела армии М. Белоцкий, РВС занял недоброжелательную позицию по отношению к М. Белоцкому, настаивавшему на разборе конфликта (оп. 1, д. 66, л. 55). В результате М. Белоцкого вынудили оставить работу в политотделе армии, а на его место РВС рекомендовал прибывшего с московскими рабочими Г. Мельничанского. Против перемещения возражал Ил. Вардин, отстаивая М. Белоцкого как опытного и знающего условия Конармии политического работника. Но решение РВС осталось в силе¹⁰³. Вскоре стала очевидной невозможность совместной работы Ил. Вардина с Г. Мельничанским. Потребовалась новая перестановка. М. Белоцкий в это время успешно справлялся с работой в политотделе дивизии, а затем и в должности военкома дивизии. Такие конфликты стали обыденным явлением для Первой Конной.

Еще в марте 1920 г. армейское совещание ответственных политработников обращалось к РВС с предложениями коренного изменения существовавшего положения, заявив, что в противном случае политработники снимут с себя «всякую ответственность за правильный ход и состояние Конармии» и вынуждены будут просить центральные партийные органы об отзыве их из Первой Конной «ввиду абсолютной невозможности совместной работы с комсоставом» (оп. 1, д. 15, л. 60—61). Однако с тех пор мало что изменилось.

Мы вправе констатировать — в Первой Конной шел активный процесс ломки искусственно созданной системы управления. Но делалось это партизанскими методами, с отталкиванием политсостава и выхолащиванием даже того полезного, что в принципе могло дать политическое воздействие. Возможности довольно многочисленного отряда политработников не использовались в полной мере. (В Первую Конную за время с 1 января по декабрь 1920 г. только центральными и фронтовыми партийными органами было направлено 854 партийных работника. Из них 521 армия получила во время боев на польском фронте)¹⁰⁴. Произошло это главным образом по вине членов РВС, не упускавших, однако, случая переложить свою вину на других, как, например, совершенно неоправданное заявление К. Ворошилова в декабре 1920 г. в связи с оценкой октябрьских событий: «Мало сказать, что политработа была плохо поставлена: правильно сказать — ее вовсе не было» (оп. 1, д. 141, л. 8). Так легко, одной фразой объяснялись причины кризиса. Напомним, кстати, что ответственным

среди членов РВС за состояние политического воспитания в армии был К. Ворошилов.

От предупреждения Ил. Вардина в начале июля 1920 г. о том, что «армия большая, политически сырая, требующая колоссального внимания, колоссальной заботы, здоровой политической энергии» (оп. 1, д. 44, л. 107), до констатации 4-й армейской партийной конференцией в октябре 1920 г.: «Армия находится в состоянии кризиса» Реввоенсоветом, к сожалению, мало что было сделано для реализации замечаний армейских политработников, еще в мае 1920 г. считавших необходимым «указать на неприязненное отношение комсостава к политработе и политорганизациям» и настоятельно предложивших Реввоенсовету «разъяснить комсоставу одинаковую важность политорганизаций наряду со строевыми» (оп. 8, д. 6, л. 34). Возможно, сказано несколько с преувеличением своей роли, но суть выражена предельно ясно.

Посмотрим на еще одну грань своеобразия военно-политического руководства Первой Конной: в армии с открытым пренебрежением относились к старым военным специалистам — «спецам», уповая на «революционную инициативу масс». С известной долей бравады К. Ворошилов, например, заявил на одном из представительных собраний в марте 1920 г.: «В нашей армии, как может быть ни в одной армии, весь поголовно командный состав состоит из самих же рабочих и крестьян... Имеется два-три офицера, кои уже забыли, что они когда-то были офицерами» (оп. 8, д. 7, л. 10—11). Бесспорно, это результат военно-оппозиционных настроений VIII съезда РКП(б), одним из апостолов которых был автор приведенных слов. Но шел 1920-й, а не 1919 г., и положение в Красной Армии менялось, не согласуясь со взглядами «военной оппозиции». К концу этого года в Красной Армии 31% командиров состоял из военных специалистов старой армии или окончивших в дореволюционное время высшие учебные заведения; добавим 22% бывших унтер-офицеров и 12% бывших военных чиновников; и только 35% приходилось на выходцев из солдат, не имевших военного образования¹⁰⁵. По классовому признаку комсостав Красной Армии делился таким образом: 67,3% — из крестьян, 12 — из рабочих, 20,7% — из интеллигенции¹⁰⁶. Поэтому ортодоксальность руководителей Конармии в подходе к привлечению старых военных специалистов была по меньшей мере лишена смысла. Одно дело, когда Первая Конная вела бои на юге против наспех сколоченных, раздираемых внутренними противоречиями и объединившихся только классовой неприязнью к изменившемуся политическому устройству формирований Белого движения, другое — когда она столкнулась с регулярными, хорошо отобюджетированными и обученными частями

польской армии, к тому же сплоченными национальными и религиозными предрассудками.

Условия боевых действий на польском фронте потребовали принципиального изменения отношения к проблеме военных кадров. Впервые об этом заговорили серьезно на совещании командного и политического состава, проходившем 3 июня в местечке Тетиев и давшем оценку предварительных прикидочных боев. Тревожные ноты звучали здесь еще очень глухо и свелись в основном к декларативным требованиям от командиров более гибкого, квалифицированного руководства и изменения тактики ведения боя (см.: оп. 1, д. 44, л. 73—77). Тем не менее в середине июня произошли заметные перестановки командного состава. Как писал С. Буденный, «Реввоенсовет... особо позаботился об укреплении штабов бригад. Их возглавили теперь грамотные в военном отношении люди, бывшие офицеры старой армии...»¹⁰⁷. Жизнь неумолимо диктовала свои правила.

В ночь с 21 на 22 июля в местечке Козин проходило второе крупное совещание высшего начальствующего военно-политического состава Первой Конной. Обсуждались те же вопросы, но здесь С. Буденный выступил уже с резкой критикой в адрес командиров дивизий за отсутствие инициативы и слабое тактическое руководство. Обращаясь к присутствовавшим, К. Ворошилов отметил, что «начдивы все лично храбры и мужественны, но слишком увлекаются непосредственно боями». Он с горечью признал, что за прошедшее время действий на польском фронте армия потеряла около четырех тысяч бойцов, «этого у нас никогда не было» (оп. 1, д. 29, л. 454). Но, как и раньше, РВС не смог предложить реального плана изменения ситуации, хотя и был намечен ряд практических мер.

Вновь, как и в прошлый раз, прибегли к перестановкам командного состава, только теперь более существенным, затронувшим руководство дивизий: в начале августа был освобожден от должности начальник 6-й дивизии С. Тимошенко, вместо него назначили И. Аланасенко; заменили и начальника штаба К. Жольнеркевича на молодого генштабиста Я. Шеко; сменили в этой дивизии и военкома П. Бахтурова¹⁰⁸. В общей сложности за период польско-врангелевской кампании (июнь—ноябрь 1920 г.) в четырех дивизиях Первой Конной начдивы менялись 15 раз¹⁰⁹. Еще более пестрая картина наблюдалась в низовых подразделениях — полках и эскадронах. Здесь назначения и перемещения приняли характер вульгарной перетасовки. Объяснить это разумно не представляется возможным, разве что господствовавшими в то время в сознании руководителей (не только Первой Конной, но и более высоких сфер военно-политического руководства республики) представлениями о частых пере-

мещениях как универсальном средстве решения кадровых проблем. От этого, однако, уровень квалификации военачальников не менялся.

Неумелые действия командного состава вызывали порой у РВС прилив настоящей ярости. Наказания следовали крайне жестокие. Так было, например, в конце июня, когда одна из бригад 11-й дивизии во время боя потеряла батарею, а сама разбежалась. Командира бригады Ф. Дорохина и военкома Ф. Бодунова расстреляли (см.: оп. 9, д. 1, л. 321). Мера, по условиям военного времени, как бы и оправданная, но по существу преследовалась одна цель — запугать остальных, ибо требовать от Ф. Дорохина, а тем более от Ф. Бодунова ответственности за случившееся было несуразно: не улыбнулось боевое счастье неопытному командиру, а вот ведь как обернулось дело. А если учесть беспрецедентное по количеству выбытие комсостава в ходе боев, то такие действия надо признать безумными.

Положение с командными кадрами в Первой Конной почти всегда оставалось сложным. Как вспоминал Л. Ключев, «квалифицированный комсостав, главным образом работники красного генерального штаба, в весьма небольшом количестве были влиты в армию уже в процессе боев... на польском фронте»¹¹⁰. Что касается младших командиров, то здесь чаще всего обходились своими ресурсами за счет выдвижения из личного состава. Немалую помощь при этом оказывала школа военных командиров при Упразформе, где имелись курсы с отделениями: кавалерийским, пулеметным, телефонистов и телеграфистов¹¹¹. Но с переходом Упразформа в подчинение Юго-Западному фронту положение опять ухудшилось. В конце августа РВС буквально умолял РВСР, руководство Южного и Западного фронтов прислать как минимум 400 взводных командиров и 600 младших офицеров, а для работы в штабах просили 50 генштабистов и 100 человек штабных работников вообще (см.: оп. 8, д. 2, л. 49—52). Любопытно, что на предшествующей странице документа, где речь шла о потерях на польском фронте и особенно под Львовом, о потерях штабных работников ничего не говорится. Прослеживается явный крен к попытке навести порядок в штабах, ибо при всем уважении к этой категории военных руководителей трудно предположить их массовое выбытие в результате боевых действий. РВС не просил о присылке замены для высшего руководящего звена на уровне дивизий, хотя и сообщалось, что в армии не хватает трех начдивов и трех комбригов. Здесь срабатывали амбициозные установки, о чем речь пойдет ниже. Нет необходимости доказывать, что грамотное или бездарное командование прямо отражалось на настроениях бойцов. В Первой Конной периода Львовских операций чаще приходилось сталкиваться со вторым.

Не лучшим образом выглядело положение в высшем военно-политическом руководстве Первой Конной — Реввоенсовете, особенно на фоне нетерпимого отношения его членов к предложениям расширить состав коллегиального органа управления. При этом определяющим было не стремление отстоять как можно более строгую централизацию, а эгоизм С. Буденного и К. Ворошилова, выразившийся в настойчивом отказе ввести в РВС еще одного члена.

В составе трех человек РВС Первой Конной просуществовал с момента создания армии и до перехода ее на штаты мирного времени летом 1921 г. В июне 1920 г. РВС Юго-Западного фронта предложил включить туда еще одного члена, но в разговоре с А. Егоровым и И. Сталиным С. Буденный и К. Ворошилов высказались на этот счет категорически, «...только три члена РВС, из коих один командарм и один член РВС на фронте, и один в тылу армии, четвертому делать нечего, и он будет только тормозить работу в установившихся уже формах» (оп. 1, д. 13, л. 92). Такая крайность, судя по всему, оказалась поспешной, так как в отличие от боевых действий на юге против Деникина война с Польшей внесла изменения и в организационные принципы построения армейских частей. Фактически образовались две группы тыловых учреждений: основная — вдали от линии фронта, вспомогательная — при полевом штабе; почти постоянные отвлечения С. Буденного и К. Ворошилова боевыми операциями оставляли их работу без должного внимания. Ил. Вардин в письме к С. Минину, руководившему работой основного тылового штаба, писал, что командарм и Ворошилов — это одно целое... Порою целыми неделями они сидят на позициях, на линии огня и непосредственно руководят действиями частей... у них нет просто физической возможности разрешать ряд вопросов административного характера. В результате ни в чем почти не чувствуется организованности, все почти идет самотеком...» (оп. 1, д. 114, л. 84; д. 25, л. 307—308). Ил. Вардин предлагал С. Минину поддержать его перед К. Ворошиловым с тем, чтобы С. Минин приехал в полевой штаб. «Это единственный способ,— писал он,— внести в работу полевых учреждений известный порядок» (оп. 1, д. 25, л. 308). Но оставить основной тыл армии без члена РВС было практически невозможно. Поэтому К. Ворошилов справедливо возразил против предложения Ил. Вардина.

В октябре 1920 г. снова встал вопрос о включении в состав РВС четвертого члена. Из РВСР 11 октября сообщили, что приказом РВСР № 485 от 10 октября 1920 г. «Горбунов назначен членом РВС Первой Конной армии» (оп. 1, д. 38, л. 406). Подтвердил это и Л. Троцкий, 12 октября пояснивший, что «т. Горбунов назначается членом РВС Первой Конной для содействия

работе» (оп. 1, д. 77, л. 111). Речь могла идти о П. П. Горбунове, который, как утверждают авторы одного из сборников документов, был членом РВС Первой Конной с 10 октября 1920 г. по 27 мая 1921 г.¹¹² Скорее это было формальное назначение, так как по архивным документам не удалось установить факт работы П. П. Горбунова в Первой Конной; или ошибка составителей сборника, вызванная тем обстоятельством, что в Первую Конную 12 октября с агитационным поездом М. Калинина прибыл Н. П. Горбунов (брат П. П. Горбунова). Не исключено, что именно он и предполагался в качестве будущего члена РВС Первой Конной. Вполне вероятно, что на состоявшемся 24 октября в районе станции Березнеговатое совещании РВС Первой Конной с прибывшей партийно-советской делегацией решили и вопрос о Н. П. Горбунове, так как уже 30 октября С. Орловский на просьбу С. Бричкиной из Управления делами ЦК РКП(б) «Срочно телеграфируйте в цека партии местонахождение Горбунова» (оп. 1, д. 92, л. 215) отвечал: «Горбунов назначен членом РВС 2-й Конармии» (оп. 1, д. 92, л. 214). Подтверждают это и авторы названного сборника документов, сообщая, что с 27 октября по 16 ноября 1920 г. Н. П. Горбунов являлся членом РВС Второй Конной¹¹³. Правда, семью страницами выше нам свидетельствуют о том, что Н. П. Горбунов с 18 августа по 22 ноября 1920 г. был членом РВС 13-й армии¹¹⁴. В любом случае каждый из этих вариантов указывает на явное нежелание РВС Первой Конной расширять свой состав. Происходило примерно то же, что и с начальниками дивизий. Руководство Первой Конной крайне неохотно допускало в высший состав людей со стороны, опасаясь, вероятно, ситуаций, подобных истории с С. Жилинским. Такая корпоративность, часто объяснявшаяся специфическими особенностями Конармии, безусловно отрицательно сказывалась на управлении армией как в области оперативно-тактической, так и в деле организации снабжения и постановки политической работы.

Давая оценку в целом характеру военно-политического руководства Первой Конной, мы вправе прийти к выводу, что в нем изначально закладывались скрытые анархические настроения, которые использовались для своеобразного «подпитывания» отваги первоконников. Но за известной гранью, при определенных условиях это анархическое содержание легко меняло предмет своего приложения, и наоборот, подхлестывало бунт, что и наблюдалось осенью 1920 г.

Последнее, на чем, на наш взгляд, следует остановить внимание для завершения анализа причин, приведших Первую Конную к военно-политическому кризису в октябре 1920 г., это специфика воинской дисциплины, утвердившейся в армии и породившей сложное переплетение героических поступков (основанных, бесспорно, на высоком боевом порыве) и актов откровенного неповиновения уставным требованиям. Как отмечалось в одном из документов, бывшие традиции, воспитывавшие любовь к армии, сплачивали бойцов, были источником героических дел¹¹⁵. Но одновременно в их поведении прочно коренилось открыто показное неприятие норм армейского порядка. Хотя за напускным внешним пренебрежением можно было заметить уважение к образцовому поведению. Н. Ракитин указывал, например, на такую деталь: строгий боевой порядок частей других армий конармейцы расценивали как явление «старого режима», но вместе с тем их восхищала боевая выправка и четкие строевые формы¹¹⁶. Бросалось в глаза и то, писал он, что о предстоящих боях конармейцы никогда не говорили, считая это дело обыденным¹¹⁷. Это свидетельствовало о наличии настоящего потенциального героизма в армии. Такое впечатление дополняется характером отношения конармейцев к противнику. Военком 14-й дивизии описывал случай, когда во время одного из боев под Львовом бойцы вдруг узнали, что против частей дивизии стоят казаки. Возник вопрос — брать ли пленных? На разъяснения о том, что казаки попали в польскую армию по несознательности, отвечали: «Хорошая бессознательность, нечего сказать. Три года существует Красная Армия, а они не знают, за кого и за что она бьется! Рубить!» (он. 1, д. 2, л. 25). Такой своего рода максимализм первоконников вызывал к жизни непривычные для армейской части военно-демократические формы организации внутренней жизни, которые, не согласуясь с формально-уставными положениями, приводили порой к грубейшим нарушениям воинской дисциплины. Так, в октябре 1920 г. 21-й полк 4-й дивизии отрез отказался подчиниться назначению нового командира Самохина вместо Пархоменко. Ни командир второй бригады Н. Ракитин, ни командир дивизии С. Тимошенко не смогли переломить настроение и вынуждены были отступить¹¹⁸.

Упрощенные до крайности военно-демократические представления конармейцев о дисциплине доходили подчас до курьезов. Однажды общее собрание второго эскадрона 33-го полка 6-й дивизии записало в решении: «Тыловой командный состав хочет завоевать себе привилегии... но мы протестуем... и просим высший орган в корне уничтожить требование отдания чести,

ибо между нами не должно быть никакого различия. Мы должны быть все равны...» (оп. 2, д. 94, л. 356). Случай относится к концу сентября 1920 г. Нечто подобное встречалось в апреле, когда коммунисты этой же части заявили протест, имея в виду, что конармейцы «проливают кровь... на поле брани за право трудового народа...» и требование отдачи воинской чести возмущает их (оп. 2, д. 94, л. 339). Речь шла о необходимости отдания чести штабу Первой Конной и коменданту г. Ростова.

Традиции были очень живучи. Подобные поступки вполне характерны для первоконников, считавших вправе самим решать вопросы, касавшиеся их личной и боевой жизни. Только так можно расценить, например, одно из заявлений общего собрания 24-го полка 4-й дивизии: красноармейские «отпуска должны даваться по мере нужды бойцам немедленно, без всякой затяжки, самим полком... Раз власть народная, то мы вправе своим полком разрешать себе отпуска» (оп. 1, д. 33, л. 21).

Своенравный характер поведения бойцов Первой Конной граничил с непредсказуемостью поступков, что для воинского соединения особенно опасно, даже когда это не выражается в крайнем проявлении, как осенью 1920 г., а сопутствует повседневному течению жизни. Имеется в виду дезертирство, которое в отличие от утверждения Н. Великого, заявлявшего, что его якобы в армии не существовало¹¹⁹, было в Первой Конной, и в довольно крупных масштабах. Уже на пятый день после начала боевых действий в составе Юго-Западного фронта, 31 мая 1920 г., три эскадрона одного из полков 14-й дивизии перешли к полякам. (Л. Ключев считал, что это были эскадроны 81-го полка; ему вторил и О. Городовиков; С. Буденный писал, что это были эскадроны 83-го полка, что наиболее вероятно.)¹²⁰ Бойцов распропагандировал комсостав — бывшие белые офицеры Сальников и Протопопов. При этом, как утверждал Л. Ключев, оказались убитыми начальник штаба третьей бригады и помощник начальника штаба дивизии¹²¹. Причины измены, помимо того, что эти части формировались из бывших пленных денкинских солдат, крылись еще и в слабом политическом влиянии, которое в 14-й дивизии к этому времени только набирало силу (см.: оп. 2, д. 51, л. 39«а»). Количество коммунистов в дивизии было сравнительно небольшим — только 7% личного состава¹²². Во второй бригаде, т. е. в 81-м и 82-м полках, имелось 38 командиров-коммунистов (подсчитано по: оп. 2, д. 51, л. 2, 9). В «Красном кавалеристе» за 2 июня 1920 г. сказано, что 14-я дивизия на 1 мая имела 41 командира-коммуниста. Следовательно, на 4 остальных полка приходилось только 3 командира-коммуниста. Как бы там ни было, очевидно одно — коммунистов в дивизии как среди личного состава, так и среди командиров было очень мало, а руководство дивизии (нач-

див А. Пархоменко и комбриг Агатанович), по мнению военкома С. Фабристов, вопросам политической обработки бойцов почти не уделяло внимания; слабым был и особый отдел дивизии (см. об этом: оп. 1, д. 41, л. 410—414). РВС пришлось затратить много усилий, чтобы ликвидировать последствия позорного факта измены в Первой Конной¹²⁴.

Аналогичный случай произошел летом 1920 г., когда в ночь с 20 на 21 июля после неудачного наступления на Кременец Кубанский полк численностью до 400 сабель из резервной бригады, входившей в состав кавалерийской группы А. Осадчего, перешел на сторону врага. При этом был убит политработник, а остальные несогласные закрыты в амбаре. Увел полк помощник командира бригады Раменский¹²⁴. Вспоминая об этом, Н. Ракитин писал: «Кубанский полк до сих пор отлично дрался... Будучи в тылу у поляков под Почаевом, он имел возможность перейти на сторону белых с меньшим риском. Что побудило его изменить именно теперь, осталось загадкой»¹²⁵. О том, что в начале боев с польскими войсками полк зарекомендовал себя с хорошей стороны, говорил и С. Орловский¹²⁶. Кубанский полк формировался из двух бывших деникинских полков — 1-го и 2-го Уманских, взятых в плен в марте 1920 г. под Новороссийском у станции Тоннельная. Политработа в полку отсутствовала, из имевшихся там двух политработников один заболел. Не было ни одного красного командира. Помощника командира полка Лаштабегу (в прошлом атамана станицы Куцевской) военком полка отправил в Упраформа, но по распоряжению Е. Щаденко и начальника Упраформа Мацилецкого Лаштабегу назначили командиром полка. Причину измены военком видел в том, что в бою под Подгайцами Г. Котовский, бригада которого входила в состав группы А. Осадчего, забрал трофеи полка, а бойцов обзывал «белогвардейской сволочью» (оп. 2, д. 11, л. 1; д. 15, л. 198—199). Такой оборот событий вполне допустим.

Необходимо отметить, что обе крупные измены, имевшие место в Первой Конной на польском фронте, произошли в частях, сырых в политическом отношении, не связанных с армией глубокими боевыми традициями. Тем не менее армейскому руководству следовало бы насторожиться. Но, судя по всему, реальная обстановка была иной. По данным полевой комиссии по борьбе с дезертирством только за октябрь 1920 г. из армии дезертировало 963 чел. (см.: оп. 1, д. 28, л. 55), из частей Упраформа — 233 (см.: оп. 2, д. 150, л. 48). Дезертирство в октябре не походило на дезертирство времен борьбы против Деникина на юге, когда оно порождалось колебаниями середняка (преобладавшего в Конармии) вызванными материальными трудностями семей конармейцев. Причины измен на польском фронте имели ярко выраженный политический характер.

Много хлопот руководству армии доставляло жестокое обращение бойцов, а часто и командиров с пленными польскими солдатами. Ставшее результатом условий борьбы на юге против белого движения, оно продолжало оставаться бесчеловечным и в ходе польской кампании. Пленных грабили, раздевали, убивали. РВС вынужден был провести специальное совещание с военными дивизий, полков и эскадронов, где «категорически потребовал прекращения раздевания пленными»¹²⁷. А спустя неделю 6 июля РВС созвал совещание работников политорганов, где в частности, было решено: «Вопрос об улучшении отношения к военнопленным...» признать важнейшим в политической работе в данный момент (оп. 1, д. 44, л. 113). Однако побороть настроение оказалось почти невозможно.

Имеется еще один штрих к характеристике внутренней жизни Первой Конной, ставший притчей во языцех (в устном пересказе, но никак не признанный официально) — ее хронический антисемитизм. Примеров можно приводить великое множество. Ограничимся одним, довольно показательным. Открывшаяся 5 октября 1920 г. в Белой Церкви 4-я армейская партийная конференция оказалась вынужденной исключить десятерых делегатов за попытку провести в повестку дня вопросы антисемитского характера¹²⁸.

Разгул антисемитизма в Первой Конной объясняется, на наш взгляд, воинствующей безграмотностью бойцов и командиров, отсутствием элементарной культуры. Чего стоит, например, ответ одного из заместителей начальника политотдела армии Шульги на предложение военкомов частей и учреждений устраивать танцы после митингов-концертов: «Танцы не входят в область разумных развлечений, а наоборот, являются пережитком мещанства, и поэтому в наших рядах они недопустимы ни под каким видом, тем более во время гражданской войны» (оп. 2, д. 65, л. 95).

Не последним в ряду причин стоит и тот факт, что среди политработников большой процент составляли люди еврейской национальности (имевшие, как правило, достаточное образование для ведения работы), а чрезмерная напористость политической обработки исключала элементарный такт по отношению к забитому и озлобленному в прошлом мужику. Поэтому ответная реакция носила резко отрицательный характер. Неудивительно, что в политсводках о настроениях личного состава стала шаблонной фраза: «Отношение к комсоставу хорошее, к политработникам — удовлетворительное». Антисемитизм придавал немало забот руководству армии, правда, не столько в плане его ликвидации, сколько в смысле «отбивания» упреков и отставивания «добропорядочности» конармейцев в этом отношении.

Даже по небольшому перечню приведенных документов можно предположить, что положение с дисциплиной в армии оказывалось далеко не радужным. Достаточно посмотреть материалы реввоен трибунала армии, и сомнений не останется совсем (см., например: оп. 1, д. 91). И это не смотря на очень жесткие и, на наш взгляд, часто неоправданные меры пресечения. Рассказывая, например, о происшедшем с командиром и военкомом первой бригады 11-й дивизии Ф. Дорохиным и Ф. Бодуновым, С. Орловский, не скрывая своих симпатий к ним, писал: «Эти товарищи были храбрыми бойцами и на суде нисколько не умаляли своей вины»¹²⁹. Но тем не менее приговор был вынесен самый суровый.

В конце сентября 1920 г. группа красноармейцев 20-го полка 4-й дивизии, среди которых находился и военком полка Титов, выпустила из бердичевской тюрьмы арестованных. Не обращая внимания на заверения Титова в том, что «он хотел ввести движение в организованное русло», после короткого совещания с участием начальника дивизии С. Тимошенко, военкома дивизии С. Грая и комбрига Г. Маслакова зачинщиков расстреляли¹³⁰. Даже малейшие дисциплинарные нарушения карались очень строго. Например, за неоднократные отлучки из части красноармейца артиллерийского дивизиона 6-й дивизии М. Серова реввоен трибунал приговорил к шести месяцам тюремного заключения¹³¹.

После разделения в июне 1920 г. штаба армии на полевой и тыловой последний, оторванный от армии, буквально захлестнула волна разложения (см.: оп. 1, д. 44, л. 135). Ища выход из создавшегося положения, С. Буденный и К. Ворошилов (они находились в полевом штабе) сменили начальника основного штаба Н. Щёлокова на Л. Ключева, а от С. Минина потребовали: «Возьмите управление в железные руки и всех разгильдяев и шкурников отдавайте под суд и побольше расстреливайте» (оп. 1, д. 44, л. 133). В ответ С. Минин с удовлетворением отмечал единство взглядов на возможные приемы борьбы с преступностью (см.: оп. 1, д. 44, л. 134). Царицынский опыт сотрудничества С. Минина с К. Ворошиловым давал о себе знать и на польском фронте.

Надо думать, в Первой Конной господствовали представления о палочных методах воспитания как наиболее результативных. Так, вероятно, надо понимать особое предрасположение руководства армии к карательным органам, в частности к реввоен трибуналу. С целью его усиления в мае 1920 г. в Первую Конную почти в полном составе была переведена коллегия РВТ 6-й армии во главе с ее председателем Л. Плавнеком (см.: оп. 1, д. 8, л. 270; д. 38, л. 9). Старый армейский состав РВТ, как сообщал бывший председатель его коллегии Гремячкин, направили

на укрепление дивизионных отделов (см.: оп. 8, д. 1, л. 48). Но и этого оказалось недостаточно. Осмотревшись на месте, Л. Плавнек 22 июня 1920 г. запросил РВСР и РВТ республики о разрешении «организовать трибунал Конармии по штатам фронтового и с правами последнего» (оп. 1, д. 91, л. 340). Спустя месяц просьбу в те же адреса поддержал и РВС, мотивируя ее множеством дел и своеобразием преступности в Первой Конной (см.: оп. 1, д. 38, л. 128). Случай, пожалуй, исключительный в истории Красной Армии.

Частые обращения к репрессивным мерам (и особенно к высшей мере наказания), практиковавшиеся в Первой Конной, свидетельствуют о неэффективности дисциплинарного воздействия на конармейцев. К тому же строгость наказаний чаще всего носила характер «ударности» и «выборочности», что могло лишь запугать, но не устраняло причин недисциплинированности. Жестокость могла породить только жестокость. На какое-то время, правда, сдерживался разгул эмоций, они загонялись в глубину сознания. Тем самым внутренние болезни армии превращались в хронические, готовые в определенный момент вспыхнуть с новой силой, как, например, под Львовом.

Таким образом, можно с полным основанием говорить об определенном стиле поведения конармейцев, который слагался из массы различных факторов. В дополнение к сказанному укажем еще на некоторые детали, ранее также остававшиеся за пределами внимания писавших о Первой Конной. Своеобразная «казачья вольница» конармейцев — это продукт поведения определенных социальных групп, ушедших в революцию скорее не из любви к идеалам советского социалистического строя и коммунистической партии, о которых они имели самое смутное и наивное представление. Они пошли в революцию прежде всего из-за ненависти к жестокому прошлому, к непроглядной темноте и несправии, бывших уделом их существования. Лаконичную и, на наш взгляд, совершенно правильную характеристику кавалерии раннего периода гражданской войны дал Ил. Вардин, заметивший, что «во внутренней своей жизни... она почти целиком ... оставалась самобытной, мужицкой, немного анархической, немного антигородской, не всегда настроенной лояльно к пролетариату и почти всегда партизанской»¹³². С полным основанием можно отнести эти слова ко всей истории Первой Конной в годы гражданской войны. Требовалась огромная работа, чтобы донести до сознания бойцов смысл идей, за которые предстояло бороться, сплотить их крепкой дисциплиной. В приказе РВС Первой Конной № 1 от 6 декабря 1919 г. говорилось: «На Реввоенсовет Конармии возложена чрезвычайно тяжелая и ответственная задача... Необходимо, чтобы каждый рядовой боец был не только бойцом,

добросовестно выполняющим приказы, но сознавал бы те великие цели, за которые он борется и умирает» (оп. 8, д. 1, л. 1). Задача, как видим, так и оставшаяся неразрешенной, если судить по событиям осени 1920 г.

Анархизм первоконников довольно своеобразен по сути. Его можно назвать наивным анархо-демократизмом, рождавшимся из полного отрицания прошлого и столь же полного отсутствия представления о реальном будущем. Не потому ли так популярны были в Первой Конной собрания с повесткой дня «Дисциплина нагайки, или дисциплина сознательная!» (Так называлась одна из глав книги Н. Бухарина и Е. Преображенского «Азбука коммунизма», получившей широкое распространение в Конармии как пособие по основам политического воспитания личного состава). Но в понимание «сознательная» вкладывался примитивно-уравнительный смысл, как, например, в уже упоминавшиеся случаях с отдаением чести и красноармейскими отпусками. Малейшее ущемление уравнительных прав встречалось резко отрицательно. Показательна в этом отношении так называемая «проблема женщин» в Первой Конной.

Из-за пополнения добровольцами, приходившими часто со своими семьями, в тылах и обозах армии оказалось большое количество женщин. Как свидетельствует протокол одной из дивизионных конференций, присутствие женщин среди конармейцев давало повод к возникновению конфликтных ситуаций, отвлекало бойцов от боевой жизни, являлось «источником мародерства и хулиганства» (оп. 2, д. 131, л. 30—41). Попытки решить проблему путем эвакуации женщин из армии наталкивались на ряд непреодолимых обстоятельств: большинство из них были женами и сестрами конармейцев; многим причитались солидные суммы денег за собственных лошадей и имущество, отданное в Конармию. Но наиболее расхожим аргументом всякий раз, как только поднимался вопрос о женщинах, стали заявления бойцов о том, что «даже Буденный возит с собой жену, не говоря уже о других командирах» (оп. 2, д. 131, л. 39; д. 184, л. 88).

В июне 1920 г. РВС пошел на крайний шаг, отдал специальный приказ № 185, запрещающий женщинам находиться в Конармии и требовавший немедленного и полного их удаления (см.: оп. 9, д. 1, л. 367—368). Найдутся ханжи, готовые обвинить автора в «бросании тени на женщин», а приведенные факты исключить из анализа внутреннего состояния Перезой Конной. Но не станем забывать, что среди личного состава армии преобладали люди молодые, остро реагировавшие на бытовые условия, от которых, будем откровенны, во многом зависело их поведение в бою. Имеются любопытные данные о возрастном составе, например, 4-й дивизии. На начало декабря 1920 г. из общего числа в

10747 чел. в возрасте от 19 до 28 лет там было 8114 бойцов, т. е. 75,5% (подсчитано по: оп. 8, д. 14, л. 102).

Ослаблял дисциплину и приток пополнения из местного украинского населения, становившегося все менее надежным из-за ужесточения продрозверстки. Это немаловажно, так как число бойцов украинской национальности доходило в армии до 19% (см.: оп. 2, д. 142, л. 2).

В связи с предложенным анализом специфики воинской дисциплины в Первой Конной попытки руководства армии оправдать поведение бойцов ссылками на то, что «белополяки, несомненно безобразничают... несравненно энергичнее, чем наша самая «бандитская» часть» (оп. 2, д. 193, л. 107), могут показаться в какой-то мере допустимыми. Но резонно спросить — не из этих ли и подобных им заявлений вырастали затем события осени 1920 г.?

Наличие двух тенденций в практике становления воинской дисциплины в Первой Конной — официальной, формально-уставной и реальной, примитивной военно-демократической, часто приводило их к столкновению. Этому способствовало поведение армейского руководства, лавировавшего между ними и опиравшегося чаще всего на субъективные представления о предпочтительности принимаемых решений в рамках той или другой тенденции. Такая позиция командования выглядела в глазах бойцов лицемерной, подкрепляла корпоративизм и анархизм их поведения. При стечении соответствующих обстоятельств складывалась ситуация разобщенных эмоциональных настроений (привычное понятие «апатия» не отражало бы в данном случае полного смысла происходившего), управлять которой крайне трудно, а подчас и невозможно. Так было осенью 1920 г.

И, наконец, надо объяснить, почему именно 6-я дивизия стала фокусом, сконцентрировавшим негативные стороны жизни Первой Конной, проявившиеся затем в безобразных формах развала и морального разложения. Заметим сразу: в принципе на месте 6-й дивизии могла оказаться любая другая часть Первой Конной — объективные условия для этого существовали. Произошло ведь в феврале 1921 г. нечто подобное с 4-й дивизией, когда ее 19-й полк (своего рода гвардия Первой Конной: полк, в котором начинали военно-революционную карьеру Б. Думенко, С. Буденный, О. Городовиков и многие другие: полк, почетным конармейцем 1-го эскадрона которого был И. Сталин; полк, которым командовал друг и сподвижник С. Буденного Г. Маслаков — знаменитый «дед Маслак») во главе с командиром перешел на

сторону Н. Махно, а затем ушел на Дон, где до 1922 г. наводил ужас на коммунистов и работников совдеповских учреждений, убивая, вешая, грабя. Поэтому, говоря о 6-й дивизии в плане разбора ситуации осени 1920 г., не станем думать, что она была каким-то изгоем, или наоборот, монстром Первой Конной. Но судьба распорядилась таким образом, что именно эта дивизия в тот момент оказалась в центре развернувшихся событий. Тому были свои причины.

Первые попытки объяснить происходившее предпринимались самими участниками событий, винившими во всем, как, например, К. Ворошилов в написанной им 25 сентября 1920 г., но так и не опубликованной статье «Нужно немедленно положить конец», «агентуру белополяков и Петлюры» (см.: оп. 1, д. 24, л. 999—1003), или как авторы исторического очерка о 34-м полке 6-й дивизии, составленном в январе 1921 г., «усиленную работу белогвардейской агентуры» (оп. 1. д. 150, л. 42), что одно и то же. К сожалению, и для наших современников «подстрекания контрреволюционных элементов» являются главным аргументом в объяснении причин развала 6-й дивизии¹³³. Этот довольно упрощенный подход не может удовлетворить исследователя на сегодняшний день. Причины событий, как доказывалось выше, порождались условиями польской и гражданской войны вообще. Вместе с тем были и отличительные качества, присущие только 6-й дивизии, одно из которых — ее отчетливо выраженный крестьянский состав, и прежде всего в 31, 32 и 33-м полках. Даже три остальных полка (34, 35 и 36-й) значительно отличались от названных выше своим социальным составом, политической активностью, уровнем культуры и дисциплинированностью (см. об этом исторические очерки полков: оп. 1, д. 150, л. 2—76). Дивизия выделялась очень высокой степенью неграмотности. В первых трех полках она составляла 31% (в остальных — 24,7%)¹³⁴. Важной предпосылкой резкого ухудшения морально-политического климата здесь явилась слабость командного военно-политического состава. Начальник политотдела Н. Налетов, вступивший в должность в июле 1920 г., после ознакомления с дивизией пришел к выводу, что она «таит в себе глубокие корни партизанщины со всеми ее отрицательными сторонами» (оп. 2, д. 193, л. 102). Причина, по мнению Н. Налетова, крылась в том, что средний и низший комсостав в большинстве подобран не по способностям, а благодаря личным связям и не соответствовал своему назначению. Командиры были хорошими бойцами, но не имели профессиональных знаний и поэтому не пользовались авторитетом. Многие из них злоупотребляли спиртным и смотрели сквозь пальцы на проявления партизанщины. Давая оценку комиссарам, Н. Налетов отмечал их слабое политическое разви-

тие, равнодушие к ним со стороны бойцов, кроме того, их работу сопровождали «постоянные конфликты с командирами» (оп. 2, д. 193, л. 102).

Осенью 1920 г. боеспособность дивизии резко ухудшилась: больше других она находилась в боях и выводилась в резерв последней; потеряла почти весь старый командный состав, выбыли все командиры полков, место которых заняли командиры эскадронов, двое из них — совсем молодые люди; в первой бригаде (31-й и 32-й полки), за исключением военкомбрига, не осталось ни одного военкома (см.: оп. 1, д. 77, л. 177). Нетрудно представить положение рядового состава, если вспомнить, что уже к середине июля дивизия потеряла его около 30%¹³⁵. Не дала ожидаемого результата и смена руководства дивизии. Военком Г. Шепелев отзывался о начдиве И. Апанасенко как человеке инертном, обвинял его в попустительстве беспорядкам (см.: оп. 2, д. 179, л. 111). Но так ли виноват один И. Апанасенко, если вспомнить, например, случай, когда в 33-м полку его командир на глазах у равнодушного военкома принимал участие в безобразиях, творимых красноармейцами (см.: оп. 1, д. 51, л. 3)? Говоря об обстановке в 6-й дивизии, автор очерка по истории 32-го полка пришел к выводу, что вину за сложившееся положение следует отнести «на ответственных работников, как командиров, так и комиссаров». Вместе с тем автор, стараясь быть объективным, брал их под защиту, так как понимал, что сами они «были очень мало развиты политически», и поэтому их поступки не всегда отвечали нормам (оп. 1, д. 150, л. 51). Будем справедливы: и И. Апанасенко, и командир первой бригады В. Книга часто сами не отличались дисциплинированностью, теряли авторитет у бойцов. Поэтому следует считать вполне объективным заключение РВС о начальнике 6-й дивизии: он видел, что «в частях вверенной ему дивизии в течение почти трех недель производились грабежи, погромы, убийства, насилия и др. преступления» и не принимал мер пресечения (оп. 1, д. 15, л. 163).

Можно с уверенностью говорить еще об одной причине: армейские, а вслед за ними и дивизионные политорганы оказались неспособными отреагировать на резко изменившееся внутриполитическое состояние армии. Партийная организация 6-й дивизии осенью 1920 г. «ничем сколь-нибудь серьезным себя не проявила...», считал один из свидетелей происходившего (оп. 2, д. 193, л. 102). Имеются и более категоричные мнения в отношении, например, 31-го полка, где коммунисты «не сумели удержать полк от того водоворота, в который его стремительно влекли разлагавшиеся элементы» (оп. 1, д. 150, л. 140).

На неудовлетворительное политическое состояние 6-й дивизии указывалось неоднократно (см., например: оп. 2, д. 156, л. 1),

но по различным причинам выражение опасений оставалось без должного внимания, а принимавшиеся меры не давали ощутимых результатов. Сказалась и частая смена в дивизии военкомов. За время с 5 августа по 27 октября 1920 г. этот пост занимали шесть человек¹³⁶. А в конце сентября сменили сразу всех военкомов полков (см.: он. 2, д. 179, л. 111).

Был и внешний фактор, подогревавший страсти,— информация об ухудшении жизни семей конармейцев, поступавшая из районов Дона, Кубани и Ставрополя. Появившиеся в печати в последнее время новые документы о рассказывании и работы историков о Вешенском восстании 1919 г.¹³⁷ заставляют по-иному посмотреть на опасность, таившуюся в памяти жителей этих районов, а в 6-й дивизии их было очень много. Поэтому посылки летом 1920 г. армейских делегаций для установления контактов с местами проживания семей конармейцев давали не только положительные результаты, а поступавшие из родных мест письма еще более нагнетали обстановку.

* * *

Суровые меры, предпринятые в октябре 1920 г. для предотвращения развала Первой Конной, на первый взгляд, были результативными. Главком С. Каменев, ехавший 25 октября в Апостолово на встречу с командованием Южного Фронта, писал В. Ленину: «Если совещание признает полезным, вернусь в 1-ю Конную»¹³⁸. Но, как выяснилось, в этом не было острой необходимости, о чем С. Каменев тут же сообщил В. Ленину¹³⁹. После совещания в Апостолово командующий Южным фронтом М. Фрунзе убеждал ЦК РКП(б) и РВСР: «...в отношении Ревсоварма 1-й и всей 1-й Конной у меня нет никаких сомнений в том, что они до конца выполнят свой долг»¹⁴⁰. РВС Конармии в свою очередь заверил В. Ленина о стремлении принять «самые чрезвычайные меры к ускорению сосредоточения армии» на Южном фронте¹⁴¹.

Что касается 6-й дивизии, то, как свидетельствовал в ноябре 1920 г. ее военком М. Богданович, «...после акта 11 октября 6-я кавдив. в смысле дисциплины, боеспособности, сознательного отношения к революционному долгу является лучшей в 1-й Конармии...» (оп. 1, д. 28, л. 119). К сожалению, в справедливости этих слов приходится усомниться. Отзвуки октябрьских событий давали о себе знать еще долгое время. Так, 1 ноября 1920 г. в РВС поступили сведения о рецидивах разложения в дивизии¹⁴². 1-й маршевый полк (бывший 31-й кавалерийский) 29 октября, не выполнив приказа, отступил, а на следующий день отказался выйти на позиции (см.: оп. 1, д. 51, л. 85). В полку раздавались провокационные требования вернуть бывших командиров

И. Апанасенко и В. Книгу. Оценивая обстановку в 1-м маршевом полку, Ил. Вардин пришел к выводу, что контрреволюционные зачатки там до конца так и не были изжиты, а коммунисты снова оказались распыленными и не смогли взять инициативу в свои руки (см.: оп. 2, д. 117, л. 7). Это действительно так, но и армейские политорганы оказались не на высоте. Из полевого политотдела армии, например, в это время сообщалось о полном порядке в 1-м маршевом полку (см.: оп. 2, д. 117, л. 41), а политическое руководство 6-й дивизии о случившемся узнало только от инспектора политотдела Юго-Западного фронта (см.: оп. 2, д. 117, л. 7).

Н. Налетов объяснял причины рецидива разложения отсутствием должного руководства со стороны командира полка и его заместителя, «назначенных после октябрьских событий и ставших посмешищем для красноармейцев» (оп. 10, д. 4, л. 276). К тому же в полку существовала сильная спайка между бойцами, часто составлявшими целые эскадроны из односельчан, как, например, во втором эскадроне. Поэтому достаточно было малейшего недовольства, и его тут же, без всякого предварительного согласия подхватывали другие бойцы (см.: оп. 10, д. 4, л. 276). Такое объяснение вполне приемлемо. Но как бы там ни было, очевидно, что дивизия оставалась ненадежной.

1-й маршевый полк вывели в резерв, и в дальнейшем он не принимал участия в боевых операциях (см.: оп. 1, д. 150, л. 73). Все это было тем более неприятно, что Реввоенсоветом намечалась реабилитация дивизии, восстановление ее бывшего статуса¹⁴³. Однако РВС неохотно менял свои намерения, даже если они оказывались ошибочными: на заседании 8 ноября 1920 г. было принято решение о восстановлении 6-й кавалерийской дивизии в прежнем составе, да еще и с присвоением ей почетного имени «Чонгарская красная дивизия» (см.: оп. 1, д. 15, л. 182). В декабре РВС обратился к главкому с просьбой утвердить постановление (см.: оп. 1, д. 28, л. 259). В соответствии с этим в армии провели ряд мероприятий с целью поднять авторитет наказанных в прошлом полков. Так, собрание коммунистов 1-го маршевого полка 6 января 1921 г. постановило: ввиду того, что «бандитизм и антисемитизм совершенно не имеют места в полку», просить дивизионную партийную конференцию ходатайствовать перед РВС Первой Конной о возвращении «знамени и прежнего славного имени 31-го кавалерийского полка» (оп. 2, д. 94, л. 174). Переименование состоялось, и уже в феврале 1921 г. в протоколах собрания коммунистов этого полка указывалось: «31-й Белореченский кавалерийский полк 6-й Чонгарской кавалерийской дивизии» (оп. 2, д. 94, л. 178). Персональные почетные наименования получили также 32-й и 33-й кавалерийские полки.

Затея с восстановлением 6-й дивизии была вполне в духе

амбиций руководства Первой Конной. И хотя Л. Плавнек в докладе командующему войсками Украины и Крыма М. Фрунзе в апреле 1921 г. писал, что после мер, принятых в октябре 1920 г., «процент дел о бандитизме, о дебоше, о неподчинении строгой дисциплине в 6-й дивизии стал совсем немногим отличаться от процента тех же дел в других кавдивизиях не только Конной, но и других армий» (оп. 1, д. 26, л. 85), мы склонны принять скорее оценку политинспекции ПУРа, изложенную в докладе «О 6-й кавалерийской дивизии», составленном в мае 1921 г. и отмечавшем: «Старые больные места... в массе далеко не изжиты» (оп. 2, д. 193, л. 125). А начальник политотдела Первой Конной Н. Суглицкий, сменивший Ил. Вардина, прямо заявил инспектору ПУРа, «что в случае подтверждения слухов о переходе Апанасенко и Книги на сторону Маслакова... на 6-й дивизии надо поставить крест» (оп. 2, д. 193, л. 125).

Вызывает сомнение вообще оправданность решения РВС Первой Конной о столь быстром «возрождении» 6-й дивизии. К такому заключению побуждает, например, рапорт начальника и военкома 30-й пехотной дивизии в РВС 4-й армии, ставивших под сомнение правомерность наименования 6-й дивизии Чонгарской за «отвагу и доблесть» при занятии Чонгарских проливов¹⁴⁴. Их аргументация представляется весьма убедительной. Похоже, РВС Первой Конной не хотел омрачать общую картину боевых успехов армии, тем более во время, когда ее слава достигла зенита. Оставлять темное пятно на таком фоне казалось неуместным.

Этим мы завершаем анализ причин, приведших Первую Конную осенью 1920 г. к моральному и военно-политическому кризису. Причины, как можно было убедиться, носили преимущественно частный характер, в основе которого лежали специфические особенности Конармии, но вытекали они из определенного обстоятельства — крупного политического просчета руководства республики в отношении предполагавшихся перспектив победы в советско-польской кампании как одной из очередных, теперь уже последних, попыток использовать представлявшуюся, казалось, возможность подтолкнуть пролетарские революции в Европе. Ведь не случайно в приветствии РВС и политотдела Первой Конной очередному Конгрессу III Интернационала писалось: «Мы будем счастливы... когда оперативный приказ наша армия получит из красного Парижа, Берлина или Лондона...»¹⁴⁵ Эта общая причина, тесно переплетаясь со специфическими особенностями Первой Конной, быстро прогрессирующими в ее атмосфере и наиболее сконцентрированными в 6-й кавалерийской

дивизии, и привела армию к тому, что случилось с ней осенью 1920 г.

Разразившийся кризис в Первой Конной симптоматично определил зарождение общей тенденции в Красной Армии конца гражданской войны. Отчетливо стали понимать это лишь ранней весной 1921 г. Но об этом следует говорить особо, обстоятельно, в рамках всей Красной Армии и тех политических и социально-экономических условий, которые сложились к концу 1920 — началу 1921 г.

Литература

- ¹ *Вардин Ил.* Ворошилов — рабочий вождь Красной Армии. М.; Л., 1926. С. 25—29; *Орловский С.* Великий год. Дневник конармейца. М.; Л., 1930. С. 114—115.
- ² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1984. Т. 4. С. 313.
- ³ *Буденный С. М.* Пройденный путь. М., 1973. Кн. 3. С. 38—48.
- ⁴ *Клюев Л. Л.* Первая Конная на польском фронте в 1920 году. М., 1932. С. 15.
- ⁵ Центральный государственный архив Советской Армии (ЦГАСА). Опись № 1 фонда № 245. С. 4. Далее ссылки на этот фонд помещены в тексте с указанием только номера описи, дела, листа.
- ⁶ Там же, ф. 102, оп. 3, д. 875, л. 237.
- ⁷ Подсчитано по: Гражданская война на Украине. 1918—1920: Сб. документов и материалов. Киев, 1967. Т. 3. С. 68—71.
- ⁸ *Зотов С. А.* Тысячекилометровый марш//Красная конница. 1935. № 2. С. 41.
- ⁹ *Клюев Л.* Конница Буденного на польском фронте//Военный вестник. 1924. № 43. С. 25.
- ¹⁰ *Артишевский А.* Острог—Дубно—Броды. Бои 18-й пехотной дивизии с Конной армией Буденного (1 июля — 6 августа 1920 г.). М., 1928. С. 66.
- ¹¹ *Буденный С. М.* Указ. соч. М., 1965. Кн. 2. С. 225—227, 339.
- ¹² Там же. С. 225.
- ¹³ *Орловский С.* Указ. соч. С. 77.
- ¹⁴ *Клюев Л.* Конница Буденного на польском фронте. С. 25.
- ¹⁵ *Ракитин Н. В.* Записки конармейца. М., 1961. С. 5. Более интересно издание 1931 г., так как оно без купюр.
- ¹⁶ *Какурин Н.* Встречное сражение 1-й Конной и 2-й польской армий на подступах к Львову в июле и августе 1920 года. М., 1925. На правах рукописи. Стеклографическое издание; *Какурин Н. Е., Меликов В. А.* Война с белополяками. 1920 г. М.; Л., 1928. Второе издание осуществлено в 1930 г., *Клюев Л. Л.* Первая Конная армия на польском фронте в 1920 году. Опыт стратегического исследования. Л., 1925; *Меликов Вл.* Сражение на Висле в свете опыта майско-августовской кампании 1920 г.//Война и революция. 1930. № 10. С. 44.
- ¹⁷ *Егоров А. И.* Львов—Варшава. 1920 год. Взаимодействие фронтов. М., 1929.
- ¹⁸ *Гай Г. Д.* На Варшаву! М.; Л., 1928; *Каменев С. С.* Борьба с белой Польшей//Военный вестник. 1922. № 12; *Тухачевский М. Н.* Поход на Вислу. М., 1923.
- ¹⁹ *Кузьмин Н. Ф.* Об одной невыполненной директиве главкома//Военно-исторический журнал. 1962. № 9. С. 49—67.
- ²⁰ История гражданской войны в СССР. 1917—1922. М., 1960. Т. 5. С. 150—159, 181.
- ²¹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 51. С. 249.
- ²² *Орловский С.* Указ. соч. С. 77.

- ²³ Кардашов В. И. Ворошилов. М., 1976. С. 198.
- ²⁴ Вардин Ил. Указ. соч. С. 25; ЦГАСА, ф. 245, оп. 8, д. 20, л. 287.
- ²⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 715—716; Директивы Главного командования Красной Армии (1917—1920). М., 1969. С. 621—622; Азовцев Н. Н. В. И. Ленин и советская военная наука. 2-е изд. М., 1981. С. 168—169.
- ²⁶ Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922). М., 1974. Т. 3. С. 101.
- ²⁷ Там же. С. 100—101; Орловский С. Указ. соч. С. 111.
- ²⁸ Буденный С. М. Указ. соч. Кн. 2. С. 308.
- ²⁹ Егоров А. И. Указ. соч. С. 117—118.
- ³⁰ КПСС в резолюциях... М., 1983. Т. 2. С. 292.
- ³¹ Егоров А. И. Указ. соч. С. 152.
- ³² Орловский С. Указ. соч. С. 80.
- ³³ Клюев Л. Л. Первая Конная армия на польском фронте в 1920 году. С. 122
- ³⁴ Буденный С. М. Указ. соч. Кн. 2. С. 186, 234.
- ³⁵ Варфоломеев Н. Стратегическое нарастание и истощение в гражданской войне//Гражданская война 1918—1921. М., 1928. Т. 2. С. 275.
- ³⁶ Геронимус А. Основные моменты развития партийно-политического аппарата Красной Армии в 1918—1921 гг.//Там же.
- ³⁷ Геронимус А. Партия и Красная Армия. Исторический очерк. М.; Л., 1928. С. 104.
- ³⁸ Зегжда Н. А. Коммунистическая партия — организатор разгрома третьего похода Антанты. М., 1959. С. 132.
- ³⁹ Клюев Л. Л. Первая Конная армия на польском фронте в 1920 году. С. 137.
- ⁴⁰ Орловский С. Указ. соч. С. 93.
- ⁴¹ Клюев Л. Л. Первая Конная армия на польском фронте в 1920 году. С. 122.
- ⁴² Вардин Ил. Указ. соч. С. 25—26.
- ⁴³ ЦГАСА, ф. 245, оп. 2, д. 134, л. 99—104.
- ⁴⁴ Партийно-политическая работа в Красной Армии. Документы. М., 1961. С. 79.
- ⁴⁵ Красный кавалерист. Орган политотдела Первой Конной армии. 1920. 23 сент.
- ⁴⁶ Там же. 1920. 3 окт.
- ⁴⁷ Гражданская война на Украине 1918—1920: Сб. документов и материалов. В 3 т. Киев, 1967. Т. 3. С. 712.
- ⁴⁸ Орловский С. Указ. соч. С. 101; ЦГАСА, ф. 245, оп. 1, д. 25, л. 348.
- ⁴⁹ М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны: Сб. документов. М., 1941. С. 346.
- ⁵⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 51. С. 293.
- ⁵¹ М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. С. 353.
- ⁵² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 51. С. 295.
- ⁵³ Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922). Т. 3. С. 420.
- ⁵⁴ Гамбург И. К. и др. М. В. Фрунзе. Жизнь и деятельность. М., 1962. С. 143.
- ⁵⁵ Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922). Т. 3. С. 422.
- ⁵⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 674—675; Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. М., 1978. Т. 9. С. 344.
- ⁵⁷ Красный архив. 1938. № 1 (86). С. 162—167.
- ⁵⁸ Красный кавалерист. 1920. 15 окт.
- ⁵⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 51. С. 315.
- ⁶⁰ Из истории гражданской войны в СССР: Сб. документов и материалов. В 3 т. 1918—1922. М., 1961. Т. 3. С. 409.
- ⁶¹ Красный кавалерист. 1920. 3, 7, 9 окт.
- ⁶² Орловский С. Указ. соч. С. 119; Сидоров В. И. Партийно-политическая работа в Первой Конной армии. М., 1941. С. 92; ЦГАСА, ф. 245, оп. 2, д. 117, л. 30.
- ⁶³ Подсчитано по: ЦГАСА, ф. 9, оп. 8, д. 174, л. 12; ф. 245, оп. 1, д. 15, л. 161; д. 77, л. 19.
- ⁶⁴ Буденный С. М. Указ. соч. Кн. 2. С. 39—47; Вардин Ил. Указ. соч. С. 27—28; Орловский С. Указ. соч. С. 114; ЦГАСА, ф. 245, оп. 1, д. 15, л. 164; оп. 8, д. 15, л. 5.

- ⁶⁵ Орловский С. Указ. соч. С. 76; ЦГАСА, ф. 245, оп. 8, д. 2, л. 372.
- ⁶⁶ Буденный С. М. Указ. соч. Кн. 2. С. 46.
- ⁶⁷ Красный архив. 1938. № 1(86). С. 164.
- ⁶⁸ Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922). Т. 3. С. 753.
- ⁶⁹ Вардин Ил. Указ. соч. С. 27.
- ⁷⁰ Буденный С. М. Указ. соч. Кн. 2. С. 42.
- ⁷¹ Великий Н. П. Коммунистическая партия — руководство и воспитатель Первой Конной армии (ноябрь 1919 — ноябрь 1920 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1964. С. 7—8.
- ⁷² Рудой М. XI кавалерийская дивизия // Военный вестник. 1924. № 43. С. 26—28; Вишневский А. Я., Козачковский В. А. Андрей Трифионович Федин. Очерк жизни и деятельности. Душанбе, 1964.
- ⁷³ Буденный С. М. Указ. соч. Кн. 2. С. 28—29, 92—93; Городовиков О. И. В рядах Первой Конной. Рассказы конармейца. М., 1939. С. 105.
- ⁷⁴ Гусев С. Политическая работа в Красной Армии // Коммунистический Интернационал. 1921. № 19. С. 5032.
- ⁷⁵ Зотов С. А. Тысячекилометровый марш // Красная конница. 1935. № 2. С. 41.
- ⁷⁶ Подсчитано по: Клюев Л. Л. Первая Конная армия на польском фронте в 1920 году. С. 137; ЦГАСА, ф. 245, оп. 1, д. 51, л. 124.
- ⁷⁷ Буденный С. М. Указ. соч. Кн. 2. С. 28—29.
- ⁷⁸ Красный кавалерист. 1920. 27 июня.
- ⁷⁹ Орловский С. Указ. соч. С. 116.
- ⁸⁰ Клюев Л. Л. Первая Конная армия на польском фронте в 1920 году. С. 138.
- ⁸¹ Орловский С. Указ. соч. С. 64.
- ⁸² Каменев С. С. Записки о гражданской войне и военном строительстве. Избранные статьи. М., 1963. С. 40.
- ⁸³ Попов П. Производство хлеба в РСФСР и федерирующихся с нею республиках (Хлебная продукция). М., 1921. С. 25.
- ⁸⁴ Андреев В. М. Под знаменем пролетариата (Трудовое крестьянство в годы гражданской войны). М., 1981. С. 106; ЦГАСА, ф. 55, оп. 1, д. 20, л. 42, л. 677, л. 9.
- ⁸⁵ Звезда Пудожа (и Пудож, Олонецкой губернии). 1920. 1 сент.
- ⁸⁶ Клюев Л. Л. Первая Конная армия на польском фронте в 1920 году. С. 139.
- ⁸⁷ Буденный С. М. Указ. соч. Кн. 2. С. 57, 68.
- ⁸⁸ Гражданская война на Украине. 1918—1920. Т. 3. С. 523.
- ⁸⁹ Гусев С. И. Гражданская война в Красной Армии: Сб. военно-теоретических и военно-политических статей (1918—1924). М., 1925. С. 82.
- ⁹⁰ Красный кавалерист. 1920. 10 авг.
- ⁹¹ Орловский С. Указ. соч. С. 81, 86.
- ⁹² Буденный С. М. Указ. соч. Кн. 3. С. 165.
- ⁹³ Орловский С. Указ. соч. С. 73.
- ⁹⁴ Вардин Ил. Указ. соч. С. 26—27.
- ⁹⁵ ЦГАСА, ф. 245, оп. 2, д. 53, л. 31, 33—34.
- ⁹⁶ Там же. Оп. 8, д. 3, л. 4.
- ⁹⁷ Там же. Оп. 1, д. 176«а», л. 318.
- ⁹⁸ Буденный С. М. Указ. соч. Кн. 1—3.
- ⁹⁹ Вишневский А. Я., Козачковский В. А. Указ. соч. С. 39, 42.
- ¹⁰⁰ Красный Кавалерист. 1920. 1 июня.
- ¹⁰¹ Подсчитано по: Геронимус А. Партия и Красная Армия. Исторический очерк. С. 80; ЦГАСА, ф. 245, оп. 1, д. 27, л. 114—115, 119—120, 189—190.
- ¹⁰² Из истории гражданской войны в СССР. Т. 3. С. 405.
- ¹⁰³ Орловский С. Указ. соч. С. 100.
- ¹⁰⁴ Подсчитано по: Из истории гражданской войны в СССР. Т. 3. С. 443; Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922). Т. 4. С. 259.
- ¹⁰⁵ Из истории гражданской войны и военной интервенции 1917—1922 гг.: Сб. статей. М., 1974. С. 196.

- 106 Военно-исторический журнал. 1965. № 4. С. 16.
- 107 Буденный С. М. Указ. соч. Кн. 2. С. 141.
- 108 Орловский С. Указ. соч. С. 87; ЦГАСА, ф. 245, оп. 8, д. 20, л. 201.
- 109 Подсчитано по: Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922). Т. 4. С. 589—593.
- 110 Клюев Л. Л. Первая Конная армия на польском фронте в 1920 году. С. 13.
- 111 Красный кавалерист. 1920. 25 июня.
- 112 Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922). Т. 4. С. 534.
- 113 Там же. С. 535.
- 114 Там же. С. 542.
- 116 Партийно-политическая работа в Вооруженных Силах СССР. 1918—1973. Исторический очерк. М., 1974. С. 74.
- 116 Ракин Н. В. Записки конармейца. М., 1931. С. 80—81.
- 117 Там же. С. 198.
- 118 Там же. С. 190—193; ЦГАСА, ф. 245, оп. 2, д. 188, л. 108.
- 119 Великий Н. П. Указ. соч. С. 11.
- 120 Артишевский А. Указ. соч. С. 13; Буденный С. М. Указ. соч. Кн. 2. С. 92; Городовиков О. И. Указ. соч. С. 105.
- 121 Клюев Л. Л. Первая Конная армия на польском фронте в 1920 году. С. 26.
- 122 Там же. С. 140—141.
- 123 Буденный С. М. Указ. соч. Кн. 2. С. 92—93.
- 124 Там же. С. 210; Орловский С. Указ. соч. С. 76.
- 125 Ракин Н. В. Указ. соч. С. 115.
- 126 Орловский С. Указ. соч. С. 76.
- 127 Там же. С. 69.
- 128 Там же. С. 114—115.
- 129 Там же. С. 74.
- 130 Там же. С. 112.
- 131 Красный кавалерист. 1920. 1 июня.
- 132 Вардин Ил. Указ. соч. С. 21.
- 133 Директивы Главного командования Красной Армии (1917—1920). С. 808.
- 134 Подсчитано по: Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922). Т. 4. С. 210; ЦГАСА, ф. 245, оп. 2, д. 90, л. 24—33.
- 135 Орловский С. Указ. соч. С. 74.
- 136 Подсчитано по: Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922). Т. 4. С. 590.
- 137 Венков А. В. Печать сурового исхода. К истории событий 1919 года на Верхнем Дону. Ростов н/Д, 1988.
- 138 Из истории гражданской войны в СССР. Т. 3. С. 418.
- 139 Там же. С. 422.
- 140 М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. С. 415; Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922). Т. 3. С. 486.
- 141 Из истории гражданской войны в СССР. Т. 3. С. 421.
- 142 Орловский С. Указ. соч. С. 124.
- 143 Там же. С. 129.
- 144 ЦГАСА, ф. 25899, оп. 3, д. 757, л. 30. Документ разыскан в архиве и любезно предоставлен автору Г. Воскобойниковым.
- 145 Красный кавалерист. 1920. 17 июля.

П75 **Присяжный Н. С.**
Первая Конная армия на польском фронте в 1920 го-
ду.— Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 1992.— 64 с.
ISBN 5-7507-0843-8

В предлагаемом научном историческом очерке осуществлена попытка на основе не публиковавшихся ранее архивных документов (в том числе и находившихся на «специальном» хранении) открыть одну из малоизвестных страниц истории России, относящихся ко времени советско-польской войны 1920 г. Содержание публикации позволяет отчасти по-иному посмотреть на внутренние процессы, происходившие в Красной Армии в годы военного коммунизма.

Очерк рекомендуется специалистам-историкам, всем, кто интересуется прошлым России в первые годы после октябрьского переворота 1917 г.

П 0503020400—103
М 175(03)—92 Без объявл.

ББК ТЗ(2)712

© Присяжный Н. С.

Научное издание

Присяжный Николай Семенович

Первая Конная армия
на польском фронте
в 1920 году

(Малоизвестные страницы истории)

Редактор *Т. В. Кравченко*
Технический редактор *Л. А. Багрянцева*
Корректор *В. Н. Лымарь*
Обложка *Е. М. Васильевой*

ИБ № 2085

Изд. № 103/2643. Сдано в набор 20.10.92. Подписано в печать 7.12.93.
Формат 60x84 1/16. Бумага тип. № 2. Гарнитура литературная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,7. Усл. кр.-отт. 4,2. Уч.-изд. л. 3,7.
Тираж 2000. Заказ 138. Цена С 103.

Издательство Ростовского университета, 344700, Ростов-на-Дону, Пушкинская, 160.

Малое арендное предприятие «Книга», 344081, Ростов-на-Дону, Советская, 57.

